

Татьяна Бурмистрова

12+



Школьные годы – веселые годы

Татьяна Бурмистрова

Школьные годы – веселые годы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57239091

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть основана на реальных событиях. Речь пойдет о самой обычной советской школьнице. А в чем состоит, эта самая жизнь? Из учебы и каникул, конечно. Учиться, само собой, скучно, а вот отдыхать – это другое дело! Хотя и во время уроков дети выкидывают всякие фортели. А без шалостей жизнь у школьников была бы совсем пресной!

Содержание

Каникулы

4

Учеба

27

Каникулы

Двенадцатилетняя Ася с самого утра хмурилась: «Опять этот лагерь! Надоело!»

– Ну, ты скоро? – спросила мама и принялась наставлять дочь. – По списку обратно вещи собирай, а то опять половину оставишь.

Девчонка резко захлопнула крышку маленького, походного чемодана, навалилась сверху и закрыла на железные застежки.

– Я специально что ли? – возмутилась Ася. – Ты же меня знаешь.

Мама вздохнула и покачала головой:

– В том-то и дело, что знаю. Горе луковое. Идем.

Каждое лето, начиная с первого класса, мама отправляла Асю в пионерский лагерь. Только девчонка не считала это принудительное пребывание в лесу отдыхом, скорее наоборот. Там же было все по расписанию: подъем, отбой и даже кормежка, но особую досаду вызывал «тихий час». Пионерские песни от рассвета до заката из динамиков, развешанных на соснах, девчонку тоже раздражали, и очень не нравилась столовая. Мокрые тарелки, противная подлива и ненавистная пенка – мерзость, одним словом. И вообще еда в лагере была невкусная. Столовая, она и в Африке столовая. Спасалась Ася, да и не только она, сухарями. Дети после завтра-

ка тайком распахивали хлеб по карманам, растаскивали по корпусам и раскладывали в сушилках, а после отбоя из каждой палаты раздавался хруст. Затем начиналась возня иного порядка: крошки, их же надо было вытряхнуть из постели, а потом на детей напал хохот. Воспитатели и пионервожатые сердитыми окриками «убаюкивали» развеселившихся, чтобы с боем растолкать утром. Да, нервная у них была работёнка.

В первый раз Ася прибыла в лагерь семилетней девочкой с чайнками в мочках. Если кратко, то дело было так: приехала в гости тетя и проколола ушки, а затем маме неожиданно дали путевку. Что было делать? Ниточки тетя вытащила, а в дырочки ввинтила длинные чайнки. Это не опечатка! Кстати, чай был не грузинский, а элитный, цейлонский, который доставали тогда по благу на чаеразвесочной фабрике. Только детям в лагере это было без разницы. Они хохотали и тыкали в Асю пальцем, да и взрослые с трудом сдерживали улыбки. Красота требует жертв, поэтому девчонка стойко сносила насмешки, утешаясь мечтой о сережках с камушками. Только вот сбыться ей было, увы, не суждено. Уплыли чайнки в бассейне, а ушки заросли.

Следующее лето Ася провела не в лагере, а отправилась к родне в поселок. У тети Лизы был и муж, и сын, а у тети Клавы, к сожалению, никого. Она была очень добрая, но несчастная. В раннем детстве тетя получила серьезную травму позвоночника, после которой у нее вырос на спине горб.

Замужества, понятное дело, не состоялось. Асе было тету Клаву жалко, поэтому она остановилась в ее доме. И не прогадала! Тетя, на радостях, достала электрический самовар и стала покупать в магазине всякие сладости. Как же не побаловать любимую племянницу? Такое гостеприимное поведение тети Асе очень даже нравилось, и она трескала конфеты с превеликим удовольствием.

У тети Лизы девочка тоже бывала часто, ведь там ее ждал брат. Дети были ровесниками, и с удовольствием проводили время вместе. Братец, который был на голову выше, любил отвесить сестрице шуточный пендель или подзатыльник, за что ему тут же «прилетало» в ответ. Дети вместе ходили на рыбалку и гоняли на велосипедах, да и шлодили, ясное дело, вместе.

Однажды Димка отправился провожать Асю. Только вышла незадача – на двери висел замок. Стало очевидно, что тетя Клава куда-то ушла. Дети посидели, повздыхали, потом направились в малинник, где слопали все ягоды. Тетя еще не вернулась, и Димка предложил:

– Ада в сарай, яйца соберем! Поди куры уже снеслись.

Братец оказался прав. Пяток яиц ребята отыскали и вернулись назад, но тетя так и не появилась. Димка почесал макушку и выдал:

– Надо сломать замок! Я в сарае топор видел.

Братец сгонял за ним и принялся за дело. Он пытался сбить замок, но силенок не хватало.

– Дай! – вызвалась Ася. – Я попробую.

Димка смахнул со лба пот, протянул инструмент и скептически хмыкнул:

– Ну-ну.

Ася положила яйца на крыльцо, поплевала на ладошки и крепко ухватилась за топор. Она замахнулась и ударила, только вот промахнулась и немного повредила дверь.

– Дай сюда, – отобрал топор братец. – Не умеешь, так не берись. Смотри, как надо!

Димка нанес серию, почти точных, ударов, но замок и не думал поддаваться.

– Дай я подковырну, – оттолкнула Ася брата. – Тут хитростью надо.

Но Димка сердито отпихнул сестричку, а она его в ответ, после чего раздался хруст.

– Яйца! – вскрикнула Ася. – Мы раздавили яйца!

– Нечего было мне под руку лезть, – огрызнулся братец.

Вот тут-то и вернулась тетя Клава, и покачала головой:

– Бандиты. Подождать не могли? И яйца, гляжу, все перебили.

– Я сейчас уберу, – стыдливо вспыхнула Ася. – Прости нас, тетя Клава.

Спустя пару месяцев девочке стала маловата юбочка, да и блузочка тоже. Да чего уж там, ни в какие свои вещи Ася не могла влезть.

– Не расстраивайся, – сказала тетя Клава, – мы расставим.

Она была портнихой, и машинка швейная у нее дома имелась, так что вопрос решился легко и просто. А чтобы окончательно утешить племянницу, тетя Клава подарила ей оранжевый платок с красными цветами. В нем-то Ася и отправилась на автостанцию встречать маму.

Жители поселка «окали», и как-то незаметно этот говор подхватила и Ася, даже словечки новые появились в ее лексиконе. Когда девочка рванула к маме на шею, то со слезами на глазах крикнула:

– Ты пошто так долго не приезжала?

Мама, конечно, остолбенела. Ее дочка стала круглой, а в цветастом платке смахивала на деревенскую старушку, еще и «окающую».

– Пойдем скорее, – подпрыгнула пухленькая Ася на толстых ножках. – Чай из самовара пить будем. Тетя Клава вафли купила!

В пионерском лагере, конечно, девочке было тоскливо. Там не было мамы, и Ася по ней скучала. Со временем она узнала все порядки, и хорошо ориентировалась не только на территории лагеря, но и за его пределами. В те времена прогулки в лесу были обычным делом. Конечно, детский отряд сопровождали взрослые, так что никто не терялся. Разбредались и аукались, потом собирались вместе и возвращались назад с грибами. Лисички – их там была пропасть. Добычу нанизывали на нитки и развешивали сушиться на окнах, а часть отдавали в общий котел. Повара жарили рыженькие

грибочки с луком и потчевали ими детей в ужин. Только мама как-то без энтузиазма принимала у дочери дары леса. Она, конечно, брала и благодарила, но потом куда-то сушеные грибы испарялись.

В лагерных кружках Ася научилась вышивать, а еще выжигать по дереву – это, пожалуй, было самое интересное. И настольный теннис освоила, и плавание. Наставления лагерного физрука по кличке Два Двадцать помогли Асе преодолеть в бассейне первые робкие метры. Той же осенью девочка записалась в секцию плавания, и спустя полгода приняла участие в соревнованиях, где заняла не то четвертое, не то пятое место.

Кличку Два Двадцать, бывший баскетболист Иван Иванович, получил за свой рост. Не сказать, что он был суров, но его побаивались. Вы только представьте себе стук в окно второго этажа ночью! Сначала раздавались испуганные вопли, а затем наступала тишина. Вечера Два Двадцать коротал в засаде. Возле летней веранды, где проходили дискотеки, росло раскидистое дерево. Так вот, физрук там прятался, наблюдая за порядком. Стоило произойти какому-нибудь инциденту, как грозный великан выскакивал из укрытия, а липуты-нарушители с визгом бросались врассыпную.

Два Двадцать считал спорт самым эффективным средством воспитания. Он был уверен, что физические упражнения отвлекают от глупостей, поэтому все время устраивал для детей состязания. Надо сказать, что лагерь был оборудо-

ван волейбольной и баскетбольной площадками, и футбольное поле имелось, и небольшой открытый бассейн. В каждом корпусе стояли теннисные столы, а у воспитателя отряда можно было получить обруч, скакалки и ракетки для игры в бадминтон.

Утро в лагере начиналось с зарядки, а после завтрака все шли купаться на озеро, на котором обитали чайки. Однажды они прилетели в лагерь и превратили площадь, а она была немаленькой, в живой, белоснежный, галдящий ковер. Это было настоящее чудо!

Место для купания на озере было огорожено, и нырять, в целях безопасности, запрещалось. Два Двадцать любил повторять:

– Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья.

Он зорко следил за порядком и временем пребывания в воде. На шее у физрука висел спасательный круг, во рту был свисток, а на руке красовались часы.

У Два Двадцать жена была учительницей физкультуры. Она всегда была при нем, а вот сынок, юный баскетболист, приезжал в лагерь лишь в последнюю смену, да и то в составе спортивного отряда. Кстати, мальчуган вымахал выше отца, и ступни у него были необычайного размера. Кто-то, однажды завидев гигантские следы на песчаном пляже, пустил байку, что их оставил пришелец.

В августе лагерь гостеприимно распахивал двери шестого, отдельно стоящего корпуса, для спортсменов. Приезжа-

ли баскетболисты, волейболисты и даже лыжники. Те с грохотом разъезжали на своих роликовых деревяшках по аллеям, лязгая об асфальт длинными железными палками. А вот маленьких и худеньких гимнасток Асе было жаль. Однажды она подсмотрела тренировку на летней веранде и пришла в смятение. Бедняжек гнули и растягивали словно кукол, а не живых детей. Гимнастки тихо стонали и роняли слезки, и Ася поразились их терпению. Это надо же! Что за спорт такой? У них была сердитая тренерша с химической завивкой на голове, которая зорко следила за питанием. Девочкам не давали гарнир, да и пили они одну только воду. Вот тогда-то Ася и порадовалась, что ее в свое время не взяли в гимнастки. Так, отцу чего-то втемяшилось в голову, ведь девчонка не была ни худенькой, ни гибкой. Короче, не подошла она этому великому спорту.

Вообще Ася похожа на мальчишку: широкие плечи, узкие бедра и короткая стрижка. В троллейбусе подслеповатые старушки к ней так и обращались:

– Мальчик, пробей талончик.

У девчонки темно-серые, живые, искрящиеся глаза, губки бантиком, ямочка на подбородке и розовые щечки. У Аси веселый нрав, а если точнее, то она хохотушка.

Так что в то утро она не была похожа сама на себя. Мама проводила угрюмую дочь до заводского клуба, позади которого собирали детей в отряды, чмокнула в щечку и ушла на работу. Вскоре автобусная процессия двинулась в путь во

главе с ГАИ. Всю дорогу девчонка ерзала на сидении, вздыхала и с грустью смотрела в окно, вспоминая прошлое.

Два Двадцать однажды за дерзость посадил Асю «на губу». Хотя дерзостью тот инцидент назвать трудно, скорее глупостью. Дети стали прогуливать зарядку: набивались в туалетные кабинки и отсиживались там. Физрук возмутился до крайности, выстроил злостных нарушителей в шеренгу и отчитал:

– Безобразие! Это что еще такое?

Один паренек вдруг ни с того ни с сего замычал в знак протеста, ну и другие подхватили. Потом «революционер» сцепил за спиной руки и зашагал по лагерю, а остальные припкнули к нему, включая Асю. Бродил мычащий отряд по лагерю долго, и физрук растерялся – к такому повороту событий он не был готов. К нему на помощь пришли директор и старшая пионервожатая. Они увещевали, упрасивали, приказывали прекратить беспорядок, но дети разошлись не на шутку. Тяжелее всего было Асе, ведь Светлана Васильевна работала в ее школе.

– Ты же хорошая девочка! – с жаром восклицала она. – К тому же пионерка! Ася, прекрати немедленно!

Но как она могла подвести своих товарищей? Девочка продолжила мычать, хоть ей было и совестно. Вот тогда-то Два Двадцать разозлился и рявкнул:

– Пять нарядов вне очереди!

Саботажников откомандировали на кухню, где они чисти-

ли картошку.

В лагере происходило много чего интересного. Да хоть взять День Нептуна. Морской владыка с бородой из мочалки в окружении русалок, украшенных кувшинками, выплывал на лодочке из камышей и поздравлял детей, а потом началось массовое купание. Дети хватали взрослых и прямо в одежде бросали в озеро, куда с веселым визгом прыгали и сами. Или, скажем, День кашевара. Он проходил тоже на берегу озера. На кострах отряды варили кашу, а повар снимал пробу из каждого котелка и объявлял победителя. За ужином лучших кашеваров награждали шоколадными конфетами.

Проводилось и еще одно мероприятие, под названием «Сладкое дерево». В первый раз Асю, пионерку старшего отряда, нарядили Красной Шапочкой. Она прыскала смехом, сыпала шутками и «мучила» малышей загадками, направляя к дереву, под которым был спрятан сладкий приз. Веселая героиня из сказки так очаровала маленьких девочек, что те до конца смены не давали ей проходу. Второй персонаж достался ей отрицательный. Тут уж Ася расстаралась: вздыбила начесом волосы, подрисовала фингал под глазом и написала на щеке «Лёха». Леший носился по лесу в тельняшке, швырял в детвору шишки, дергал девочек за косички, а мальчишкам отвешивал щелбаны. Словом, вел себя так безобразно, что дети чуть не поколотили его. Он ещё додумался перепрятать сладости, что вызвало недовольство не только у малышни,

но и у взрослых. Пришлось Лешему выкручиваться: самому переть тяжеленную коробку из леса и раздавать детям конфеты.

А походы с ночевкой? Ходили далеко, на реку. Там заранее ставили палатки, доставляли матрасы, подушки и одеяла, а также фляги с водой, продукты и повара, который готовил на костре. Печеная картошка под комариный писк – романтика! В один из таких походов произошел интересный случай.

Подружка Светка притаилась у дерева и принялась лопать неизвестные ягоды.

– Ты чего тут? – поинтересовалась Ася.

– Вот, – протянула та на ладошке маленькие черные ягодки.

Ася придирчиво оглядела их, потом сунула в рот и тотчас выплюнула:

– Это не черемуха!

– А что? – побледнела Светочка.

– Может волчье лыко или бузина – я почему знаю? Пошли!

Ася схватила подружку за руку и потащила в лагерь. Она зачерпнула в фляге большую кружку воды, протянула Светке и строго сказала:

– Пей, а то помрешь. Вдруг ягоды ядовитые?

Девчонка давилась, но пила. После третьей кружки Ася скомандовала:

– Теперь два пальца в рот!

Светку стошнило, но Аська на этом не остановилась и заставила выпить еще пару кружек.

– Ты только не говори никому, – попросила несчастная, – а то заругают.

– Ладно, – пообещала Аська и всю ночь не спускала с подружки глаз.

То ли ягоды попались не ядовитые, то ли промывание помогло, только утром Светка была живее всех живых.

Ася обожала разные приколы. Мама часто отправляла ей в лагерь посылки со сладостями, чаще всего с щербетом. Он ведь по цвету чем-то напоминает хозяйственное мыло, вот девчонка и решила подшутить над соседками. Она повертела кусок в руках и вдруг брякнула:

– Кто будет щербет?

Соседки с недоверием глянули на мыло и отказались.

– Неужто не хочется сладкого? – напирала Ася. – Сама ведь съем.

По глазам было видно, что и хочется, и колется. Тогда девчонка откусила от мыла кусок и театрально закатила глаза. Соседки переглянулись и уже было согласились отведать «щербет», как во рту у Аси появился тошнотворный вкус. Терпеть его не было никаких сил, и она выскочила из комнаты. Мыло, точно липкая ириска, прилипло к небу и зубам. Девчонка поскоблила во рту пальцами, потом щеткой, после чего принялась выполаскивать, выпуская изо рта пузыристую, переливающуюся на солнышке пену.

Ася и поспорить была не прочь. Однажды она присела, аж, сто раз. Дело было после отбоя, ведь именно тогда и происходило все самое интересное. Девчонкам не спалось, и зашёл у них разговор про спорт. Тут Аська и выдала, что готова на рекорд. Сначала она приседала играючи, потом «со скрипом», а под конец уже через силу, преодолевая боль и усталость. Пот заливал ей глаза, а лицо побагровело от натуги, но спорщица не сдавалась.

– Девяносто семь, – считали вслух соседки, – девяносто восемь, девяносто девять.

Ася присела в последний раз, и девчонки замерли в ожидании. Спортсменка собралась, скривила лицо и рывком встала.

– Сто!!! – хором крикнули соседки.

Спор был выигран, но какой ценой. Несчастней человека на той неделе в лагере было не найти, ведь Ася хромала на обе ноги.

Девчонка, хоть и отличалась общительностью, но не любила идти ни у кого на поводу. В одну из смен она попала в комнату с наглой и коварной девицей. Ее Ася видела в лагере впервые, залётная какая-то. Та сразу же подмяла под себя тщедушных соседок: сначала приласкала их, а потом стала верховодить. Фамилия у нее была смешная – Василёк. Так вот, с этим цветочком у Аси возник конфликт. Василёк оказалась с гонором, поэтому рискнула пойти вразрез с установленным в лагере правилом, то есть взбунтовалась против

уборки территории. Мол, не обязана она. У самой кишка была тонка, и она подбила на это дело сговорчивых девчонок. Только в Асе взыграло упрямство, да и чихать она хотела на всяких там командиров – у нее своя голова на плечах есть! Она молчком подмела площадь и вернулась в комнату, а Василёк начала на нее напирать:

– Предательница.

Аська не посчитала нужным ей отвечать, тогда «в бой» вступили остальные:

– Ты пошла против коллектива! Так не делается! Мы же договорились!

– Я с вами ни о чем таком не договаривалась, – отрезала Ася. – И вообще считаю, что правила нарушать нельзя.

Конечно, Василёк такое проглотить не смогла. Она дождалась, когда Ася заснула и устроила ночью «коечное» собрание.

– Давайте объявим ей бойкот, – прошептала Василёк.

– Верно, – откликнулась с жаром соседка.

– Тише, – цыкнула командирша, – а то разбудишь.

В повестку, видимо, не входило Аськино присутствие, но вышло так, что она проснулась, но виду не подала.

– Таким не место в наших рядах, – высказалась другая.

– Бойкот! – зло прошипела третья.

Утром с Асей никто не разговаривал, но она была готова к такому повороту. Василёк с ухмылкой всматривалась в ее лицо, надеясь увидеть страх или отчаяние, но наша героиня

оказалась не из трусливых. Да, ей было тяжело, но на поклон она идти не собиралась. Просто после нескольких дней «игнора» Ася попросила маму забрать ее из лагеря.

– Знаешь, дочь, сколько еще таких «васильков» тебе встретится в жизни. – сказала она. – Есть же в отряде нормальные девчонки. Вот и общайся с ними. Не хватало еще убежать.

На родительский день ни к Асе, ни к Васильку никто не приехал, и девчонки отправились на озеро. А что? Василёк бросила вызов, Ася приняла. Дуэль, так дуэль. В праздничной суматохе, по причине нашествия в лагерь родителей, их никто и не хватился. Девчонки прошли через лес, спустились к озеру и поплыли. Они уже довольно далеко были от берега, как у Аси свело судорогой ноги.

– Помоги, – растерянно прошептала она.

Василёк не бросила соперницу, а помогла доплыть до берега. Этот случай, который чуть не стал трагическим, отчасти и примирил враждующие стороны.

Ася терпеть не могла и всякого рода несправедливость. В одну из смен прикатила в лагерь Римма. Девчонкой она была самой обыкновенной, только норовистой. Очень уж не понравилась ей одна тихоня из отряда. Пугливая девчонка всех сторонилась, держась особнячком, но вреда от нее не было никакого. Так вот, Римма осыпала ее насмешками и дразнила, а та молчком глотала обиды. Асю это возмущало: «Чего она к ней прицепилась? Заняться что ли больше нечем?» Но

Римма не унималась, упорно добиваясь от тихони хоть какой-то реакции. Дошло до того, что задира решилась на пакость и обратилась за помощью к Асе.

– Тебе удобнее всего, – прощebetала Римма и похлопала глазками, – вы же живете в одной комнате.

– И что ты задумала? – поинтересовалась Ася.

– Можно пастой ее вымазать или таз с водой под ноги поставить. Все равно что. Терпеть не могу эту тихоню!

Тут Ася уже не смогла сдержаться и сердито выпалила:

– Только попробуй обидеть человека!

Римма сначала обалдела, а потом прищурилась и зло процедила:

– Защищаешь ее? На кой она тебе сдалась? Подружка твоя что ли?

– А хоть бы и так. Отстань от нее! Поняла?

С того дня тихоня была под защитой, и задира, наконец, успокоилась – несмелого десятка оказалась. По иронии судьбы Римма и Ася потом станут одноклассницами, но об этом позже.

В лагере было принято мазать спящих товарищей зубной пастой. Как-то после отбоя девчонки начали греть тюбики. Зачем? Так ведь от холодной пасты «клиент» может проснуться! Когда в корпусе стало тихо, и тюбики нагрелись до нужного градуса, команда отправилась в путь. Феи, в светлых ночных рубашках до пят, босыми ногами тихо ступали по прохладному полу. Дойдя до соседней комнаты, они оста-

новились, и Ася стала медленно открывать дверь. Она долго и жалобно скрипела – надо было рывком, ну да ладно. Затем предводительница вошла в комнату и направилась к дальней кровати, а за ней потянулись и другие. Не успели девчата открутить колпачки с тюбиков, как раздался резкий звук, похожий на выстрел. Далее: громкий топот по коридору, хлопок дверью и тишина. Девчонки нырнули по постелям, накрылись с головой одеялами и замерли. Прележали так они довольно долго, а потом Ася не выдержала и захихикала.

– Что это было? – шепотом спросила одна из соседок.

– Я так испугалась, – призналась другая.

– Так пукнул кто-то во сне! – покатила со смеху Ася, а за ней и остальные.

Однажды, из-за глупой лагерной традиции, чуть не разгорелся международный скандал. В восьмидесятые годы Украина была не отдельным государством, а республикой в составе СССР. Люди дружили и запросто мотались друг к другу, ведь никакой границы не существовало. Так вот, детей из Украины пригласили на территорию Российской Федерации, а к ним отправился наш отряд, в который попала Ася. Ну и решили детишки, по-привычке, в первую же ночь вымазать местных пионеров, причем без всякой задней мысли.

От усердия у Аси быстро закончилась паста. «Что же делать?» – промелькнуло в ее голове, и сам собой нашелся ответ. Она склонилась над спящим мальчиком и шепнула:

– Дай мне, пожалуйста, зубную пасту.

Тот сунул руку в тумбочку и протянул свой тюбик, а потом перевернулся на другой бок и снова сладко засопел. Мазать спящего его же пастой – это, конечно, наглость, но Ася поступила именно так.

Утром оскорбленная сторона отправилась жаловаться. Директор лагеря тут же собрал линейку и высказал претензию гостям, да и от своих воспитателей еще влетело. Короче, ночные вылазки запретили категорически.

Лагерь располагался в Карпатах. Асю удивило, что днем стоял зной, а ночью было холодно – в горах это нормально. Люди вокруг были теплые, улыбчивые и доброжелательные. Асе запомнился их говор: мягкий и ласковый. А какая там черешня! Вкуснее и слаще Ася и не пробовала. И деревья с грецкими орехами растут всюду, как у нас яблони. Там же, впервые, Ася увидела гадюку. А еще приезжал гипнотизер!

Во время его выступления в Асе всколыхнулось разом и восторг, и удивление, и непонимание, и даже легкий страх. Девчонке так хотелось быть загипнотизированной, но, увы. Не взял ее гипноз, хоть Ася и внимала каждому слову артиста:

– Закройте глаза! Сцепите руки! Ваши пальцы срастаются!

Куда там. Ничего не срослось, и сна не было ни в одном глазу. А вот везунчиков, у которых пальцы крепко сцепились, гипнотизер пригласил на сцену. С какой же завистью смотрели на них остальные. Да, повезло им. Артист усадил

ребят на стулья, «усыпил», и началось представление. Им дали по стакану воды, велели глотнуть и сказать, что там. Вот уж Ася удивилась, когда услышала: сок, кисель, компот и чай. Она силилась понять: «Как такое возможно? Там же самая обычная вода! Может загипнотизированные придуриваются?» Потом артист сказал ребятам, что пошел дождь, и те стали себя странно вести: один мальчик спрятался под стул, другой разулся и стал бегать босиком по несуществующим лужам, а девочка будто бы открыла зонт, которого на самом деле не было. Затем гипнотизер сообщил, что наступила зима, и один парень стал сразу же натягивать на голову вроде как шапку. Другой дрожал, обняв себя за плечи, третий грелся, постукивая ногу об ногу, а девочка изображала, как наматывает на шею шарф. После представления Ася засыпала ребят вопросами, но те, странное дело, сказали, что ничего не помнят.

Кстати, гипнотизеры были очень популярны в те времена, и Ася не раз бывала потом на таких представлениях в родном городе. Только как девчонка не ждала чуда, оно ни разу не случилось. Хотя... Одна артистка попросила выйти на сцену кого-нибудь из зала. Конечно, Ася и отправилась, не раздумывая. Тетенька заявила, что угадает ее имя. Она произносила вслух алфавит и пристально всматривалась девчонке в глаза. И представляете? Угадала! Но это трюк, наверное, какой-то был. В гардеробе к Асе потом подошел мужчина и скептически хмыкнул:

– Да ты, девочка, подсадная.

В пионерском лагере Асе запомнилась одна торжественная линейка. Она была не утром, как обычно, на которой объявляли распорядок дня и поднимали флаг, а поздним вечером. Двадцать второе июня, день начала войны. От горящих факелов и песни «Бухенвальдский набат», у Аси навернулись слезы и побежали по телу мурашки. «Сотни тысяч заживо сожженных строятся, строятся в шеренги к ряду ряд. Интернациональные колонны

с нами говорят, с нами говорят. Слышите громовые раскаты? Это не гроза, не ураган – это, вихрем атомным объятый, стонет океан, Тихий океан...» Тридцать с лишним лет прошло после войны, а боль по-прежнему трогала сердца людей, в том числе и маленьких. В каждой советской семье были герои: погибшие, пропавшие без вести или живые. У Аси оба деда воевали, но на расспросы они отвечали с неохотой, чаще отмахивались – мол, не для детских ушей.

Каждую смену в лагере проводилась военно-полевая игра «Зарница». Конечно, никаких затяжных боев не велось – просто гонялись друг за другом и срывали бумажные погоны. Потеря одного означала ранение, а если «солдат» лишился обоих, то все, финита ля комедия. Потом носились по лесу с картой в поисках вражеского знамени. Только Асе эта игра казалась скучной, все-таки война не девчачье дело. А вот стрелять из винтовки по мишеням – это да! Пульки чет-

ко попадали «в десяточку», и военруки, что в лагере, что в школе, всегда ее хвалили за меткость. Но самое прикольное было высиживать определенное время в противогазе, правда дышать тяжело, да и видок тот еще.

Запомнилась Асе поездка на конезавод. Накануне воспитательница собрала отряд и начала составлять список особо отличившихся и наиболее достойных. И Асе стало обидно. Она обожала лошадей, а тут такой выпадает шанс – это, во-первых. Девочка принимала самое активное участие в жизни отряда – это, во-вторых. Воспитательница проводит отбор, опираясь на личные предпочтения – это, в-третьих. Короче, Ася набралась смелости и выдвинула свою кандидатуру. Воспитательница, конечно, удивилась, но в список девочку все же включила.

Похоже, что поездка интересна была только Асе. Пока мальчишки баловались, а девочки хихикали, она с жадностью ловила каждое слово экскурсовода и вертела головой, рассматривая породистых скакунов. Особенно Асю удивили пони: маленькие, сопливые, какие-то нечесанные и в репьях. Выглядели лошадки жалко, да и паслись они на лужайке, как обычное стадо коров.

Один раз Ася побывала в лагере на зимних каникулах. Даже мама приехала, устроившись работать посудомойкой в столовую.

Дети бесплатно брали коньки напрокат и рассекали по катку, который был залит на центральной площади. Ася в тот

день была в приподнятом настроении, поэтому изобразила «ласточку», только не удержала равновесие и шмякнулась. Падение вышло неудачным, ведь ее колено «поцеловалось» с острым лезвием. Из раны хлынула кровь, но Ася не растерялась и туго замотала ногу носовым платком.

– В медпункт надо, – посоветовала ей подружка. – Идем, провожу тебя.

– И маме твоей сказать, – сказала другая девочка.

– Воспитательницу надо в известность поставить, – сообщила третья.

Но Ася, уже опытная в этих делах, отвергла все предложения:

– Нет! Так заживет. И не надо, пожалуйста, расстраивать мою маму. Даете слово?

Девочки пожали плечами и в знак согласия кивнули головками. Мало того, что они не выдали ее секрет, так еще пожертвовали своими носовыми платками для перевязок. Партизанки, одним словом.

Зимняя смена выдалась короткая и пролетела быстро. Отъезд в город должен был состояться сразу после завтрака, но ночью был сильный снегопад, который засыпал дорогу. Ждали долго, пока расчистят трассу, даже проголодаться успели. К вечеру у детей урчало в животах, но взволнованная воспитательница лишь разводила руками:

– Столовая закрыта, так что придется потерпеть.

Единственное, что у нее нашлось съестного, так это «ас-

корбинка». Добрая женщина разделила свой запас витаминов с детьми, только от кислых драже у Аси защипало в желудке, и есть захотелось еще больше.

Уже стемнело, когда на площадь въехали автобусы под всеобщее радостное ликование. Дети быстренько загрузились в них и отчалили в город, где их ждали родители и долгожданная еда.

Нет, все-таки летом отдыхать было гораздо интереснее. В конце смены обязательно зажигали пионерский костер. О, это было что-то! Здоровенный и высоченный, он пылал ярко, с треском подбрасывая оранжевые искры в темное, звездное небо. И, конечно, песни – куда же без них. Помните? «Взвейтесь кострами синие ночи. Мы пионеры, дети рабочих...» А затем наступала ночь, но не обычная, а по лагерным меркам – королевская. Детям позволялось не спать и танцевать до рассвета. Утром сонных пионеров кормили завтраком, вручали по большой шоколадке, рассаживали в автобусы и увозили в город.

Были еще осенние и весенние каникулы, которые Ася в младших классах не любила. Какой может быть отдых в школьном лагере? Ну да, каждый день водили в кинотеатр, ведь на период каникул школьникам выдавали копеечные абонементы. Были и увеселительные прогулки, и игры, но девочке мечталось просто побыть дома.

Учеба

В первый класс Ася пошла в восемьдесят первом году. На ней было коричневое школьное платье с белым фартучком и портфель с букварем на спине. На головке красовался огромный бант, а в руках она держала букет разноцветных астр. После торжественной линейки и знакомства с учительницей, девочка отправилась с мамой в фотоателье, чтобы запечатлеть памятную дату. Тогда ведь не было смартфонов со встроенными фотокамерами, вот и ходили сниматься. Кстати, фотография Асю особо не впечатлила, а вот мастеру понравилась, только не первоклассница, а ее красавица-мама.

Первую учительницу звали Софья Антоновна. Полноватая женщина в годах была строгой, красила губы «морковной» помадой, носила кримпленовые платья с цветами и не снимала с шеи янтарных бус. Объясняла она просто, а до кого не доходило, тому учительница постукивала костяшками пальцев по голове. Боюсь даже предположить, как этот метод «вдалбливания» знаний восприняли бы в наше время. Тогда учителей уважали, и жаловаться на них было не принято.

Через две недели Асе сравнялось семь. На ее день рождения завалился весь класс. Представляете? Тридцать детей в однокомнатной квартире – это не для слабонервных! Мамочка, конечно, такого поворота событий никак не ожидала. Она вжалась в стенку и растерянно кивала головой, когда

мимо нее шмыгали дети, вежливо здороваясь. Когда за последним гостем закрылась дверь, мама вздохнула, махнула Асе рукой и пошла на кухню.

– Что происходит? – спросила она у дочери. – Мы как с тобой договаривались?

– Не знаю, – пожала плечами Ася. – Я пригласила только Иру и Олю.

– Как же мне их всех рассадить и накормить? Ступай к соседям. Нужен стол и табуретки. Да, Ася, попроси еще тарелки и вилки. Я в магазин!

Худо-бедно, но все как-то разместились за праздничным столом. И еды хватило, хоть мама и переживала. Было очень шумно и весело!

Первое время Ася скучала в школе. Она ведь рано научилась читать и считать: сначала в два с половиной года, но быстро все позабыла, а потом в четырехлетнем возрасте, но уже основательно. Так что пока одноклассники постигали азы, Ася пялилась в окно и вздыхала. опередила она своих сверстников, ведь никто из класса ничего такого не умел. Да и зачем? В школу-то раньше и шли за знаниями, не то, что теперь.

Новогодний снимок, сделанный журналистом во время школьного утренника, попал в газету. Ася тогда заявила на Ёлку в костюме художника. Очень уж ей приглянулся в магазине этот наряд, и она упросила маму купить. Там ведь был парик из искусственных желтых волос, берет и накидка –

все, как полагается. Мама приобрела еще большую кисточку и краски, да и стишок отыскался подходящий. Короче, Ася сразила всех наповал. Дед Мороз подарил девочке оранжевую обезьянку из пластмассы, которую тут же и украли. От зависти, должно быть.

Вскоре стащили у Аси и новые сапожки, которые привез ей дядя из Германии. Он там прослужил в армии танкистом два года. Подарил дядя Коля и открытки с немецкими городами, и переливающиеся календарики, которых днем с огнем было не достать, а еще привез пачку маргарина, только никто этого не оценил, потому что в Советском Союзе было принято кушать на завтрак натуральное сливочное масло.

Таких вычурных, заграничных сапожек ни у кого не было – это же импорт. Они были из натуральной коричневой кожи, на светлой подошве, с утеплителем и красивыми молниями. Чудо! Это вам не продукция фабрики «Скороход» из черного войлока. Некрасивые, конечно, зато теплые и удобные, как валенки. Но эти, немецкие, были выше всяческих похвал. Все одноклассницы их примерили и пришли в восторг, а через несколько дней они исчезли.

Ася вернулась из школы в сандалиях и со слезами на глазах. Мама тоже очень расстроилась, ведь она одна растила дочку, и алиментов от отца не получала. Она порадовалась за Асю, когда та получила такой сказочный подарок. Но что было делать? Мама достала старые, стоптанные, войлочные сапоги и сказала:

– Придется в них. Не плачь! Я думаю, что сапожки отыщутся.

Так и вышло. Мама отпросилась с работы и тайком от дочери пошла к директору. Она объяснила ситуацию, и спустя три дня сапожки очутились в раздевалке. Вот уж была радость! Носила Ася их долго, даже когда они стали откровенно малы. Девчонка поджимала пальцы и ковыляла в них в школу, кривясь от боли. Мучения, конечно, но ведь красота требует жертв.

А календарики Ася выменяла на еду, о чем потом жалела. Столовскую стряпню девчонка есть не могла, а денег на булочки просить у мамы было стыдно, ведь лишней копейки в доме не было. Не сказать, чтобы Ася была избалована диковинными кушаньями – с чего бы? Но еда в столовой, и впрямь, была отвратительной. Ее привозили с завода, от шефов. Сизая, холодная, несладкая каша дрожала, как холодец. Дети приходили в столовую, переворачивали тарелки, а потом раскачивали столы, с хохотом наблюдая, как вибрирует манное желе. В еде попадались куски кожи неясного зверя с щетиной, тараканы, бумага, даже мелкие камешки. То есть пища была не только не вкусной, но и опасной.

Однажды Ася увидела такую сцену. Неопрятная тетка в замусоленной фуфайке с поломанными, грязными ногтями вышла из машины, схватила лоток с котлетами и направилась в школу. И тут она споткнулась. Большая часть котлет рассыпалась по земле, но тетеньку это ничуть не смутило.

Она тут же покидала их грязными руками обратно, тщательно перемешала и отнесла на обед детям. После этого Ася вообще перестала притрагиваться к еде, лишь глотала слюну, наблюдая, как другие ученики поглощают в буфете свежую, аппетитно пахнущую выпечку.

Но и на ее улице случился праздник. Ранней весной, когда уже подтаял лед, она шла по парку и не успевала поднимать с земли монетки. В основном, Асе попадались достоинством в десять, пятнадцать и двадцать копеек. Она туго набила мелочью все карманы, а потом ей стало неловко.

– Не украла ведь я их, мама? – спросила Ася. – Надо бы вернуть деньги владельцам, а то некрасиво получается. Будто бы я присвоила чужое.

– Что? – засмеялась от такой наивности и честности мама. – Где же найти хозяев? Теперь, дочка, эти денежки твои.

– Можно тратить?

– Конечно.

И Ася стала ходить в буфет. Денег ей хватило как раз до конца учебного года, так что долгое время было и сытно, и радостно.

В школе, при входе, висел транспарант: «Учиться, учиться и еще раз учиться. В. И. Ленин». Наставлениям великого вождя революции неукоснительно следовали, но не все. Были и отстающие. Софья Антоновна велела Асе взять шефство над Юрой Коржиковым. Да, учился он не ахти, но была у него и другая проблема – он все время опаздывал. Ася жила с ним

в одном доме, и ее обязанностью было разбудить нерадивого ученика. Она спускалась с восьмого этажа на четвертый, долго звонила в дверь, а потом стучала. Как только на пороге появлялся всклокоченный, заспанный и недовольный Юрик, Ася убегала, чтобы не схлопотать. Очень уж сердитым Коржиков бывал по утрам.

Со второго класса начался французский язык, ведь Ася попала в спецшколу. Но не потому, что была умная, а просто жила рядом. На первых занятиях было весело. Учительница заставляла детей гримасничать перед карманным зеркальцем, но было это не забавы ради. Школьникам таким образом ставили произношение и артикуляцию. Смех вызывало и склонение некоторых глаголов, к примеру: «Жо пердю». Скучно становилось потом, дома, при заучивании иностранных слов.

Но с памятью у Аси был полный порядок. Она азбуку Морзе выучила за несколько дней, перед «Зарницей». Ее выдвинули в радистки, вот она и выстукивала точки-тире. Ася была ответственным ребенком, этого у нее не отнять, поэтому подошла к заданию с полной серьезностью. «Тук-тук-тук. Тук.» – стучала карандашом по столу девочка. Ася так много зашифровала и расшифровала секретных донесений, что довела навык до автоматизма. В день испытаний она почти и не волновалась, и справилась с заданием раньше остальных, только вот результат ее удивил. Светлана Васильевна, пионервожатая, на следующий день вывесила итоги. И надо

же было такому случиться, что Ася оказалась на последнем месте. «Этого не может быть!», – подумала девочка, – «я же справилась с заданием.» А одноклассники рассердились на нее и наговорили кучу гадостей.

– Получается, что подвела я товарищей, – сказала она вечером маме и заплакала.

Есть справедливость на свете! На следующий день Светлана Васильевна повесила на стенд другой итоговый лист, в котором было указано, что Ася заняла первое место. Оказывается, ошибочка вышла. Только вот одноклассники прощение не попросили.

В скором времени физрук объявил, что нужно готовиться к городским соревнованиям по конькобежному спорту.

– А я не умею, да и коньков у меня нет, – пожаловалась Ася маме.

Проблема решилась легко. Они стали вечерами вместе ходить на каток, а коньки брали напрокат. Правда конькобежные, с широкими длинными лезвиями, а на соревнованиях выдали фигурные. Но это было даже к лучшему, ведь в них Асе было хоть и непривычно, зато удобно. Девочку поставили в тройку, дали отмашку, и она понеслась, оставив далеко позади не только своих соперниц, но и учениц других школ. Получилось, что, едва научившись стоять на коньках, Ася заняла третье место, да еще и грамоту получила. С перепугу, должно быть.

В школе каждый год проводился медосмотр. В этот раз

пожаловал и зубной врач.

– Мамочки, – запричитала одноклассница Ира, стоя в очереди. – Как же я боюсь.

– И правильно, – ответила ей Светка. – Мне тут недавно зуб дергали. Вот страху-то я натерпелась. Знаешь какие крючки у них страшные? Кривые и острые! Так мне выкручивали зуб, что я визжала.

Ася испугалась, отошла в сторонку и начала с силой расшатывать качающийся зуб. Не хватало еще, чтобы ее «пытали» в кресле. Ужас! Ася жмурилась от боли, но продолжала с силой драть из лунки свой молочный зуб. «Ну же», – подгоняла она себя, – «скорее!»

– Аська! – услышала она за спиной голос Ирки. – Твоя очередь.

Ася рванула зуб, сунула его в карман и смело вошла в кабинет.

– Присаживайся, – пригласила врач девочку в кресло.

– А у меня зуб сам только что выпал, – сообщила Ася и улыбнулась окровавленным ртом.

– Хорошо, – засмеялась врач и заткнула отверстие ваточкой с лекарством. – Зови следующего.

Асе еще проверили зрение. Между прочим, первой заподозрила неладное Софья Антоновна, потому что девочка стала щуриться. Действительно, зрение ухудшилось, и окулист выписал очки для дали.

Появление Аси в классе вызвало ажиотаж.

– Очкарик! – засвидетельствовали факт мальчишки и начали глупо хихикать.

– Плывет все, – сообщила Светка, примерив очки.

– Оправа не очень, – сказала Надя. – Мне такая не пойдет.

– Неудобно, – покачала головой Злата. – Мешаются на носу.

Ася пожалала плечами, надела очки и села на место. Теперь она хорошо видела не только школьную доску, но и все расплывчатые лица стали четкими. Единственное, что смущало девочку, так это косые взгляды и насмешки одноклассников, которые никак не стихали. Ася все терпела-терпела, а потом сняла очки, сунула в портфель и больше их не надевала.

Девочка сидела за одной партой с Лехой Гречкиным. Он был троечником и списывал у Аси, а на все праздники делал ей маленькие и недорогие подарочки: то ли знаки внимания, то ли выражал так свою благодарность. Леха был не вредный, но заводной. Как любой мальчишка, он обожал всякие шалости. Однажды он приволок в школу свеклу и раскрасил ей девочкам щеки. Отличные вышли матрешки! А в другой раз он принес вьетнамский бальзам «Звездочка». Леха подговорил мальчишек, и те, обмакнув пальцы в едкую вонючку, стали подкрадываться к девочкам сзади и тыкать в глаза. Одноклассницы, конечно же, крепко обиделись, ведь им пришлось пролить немало слез.

Леха дружил с Петькой. У того родственники были не из простых. Однажды он принес в школу заграничную жвач-

ку, и все по-очереди ее пожевали. А еще он приволок кубик Рубика. О, это была такая диковина! Вообще времена были дефицитные. Ни колбасы, ни сосисок в магазинах не было, и за ними ездили на электричке в Москву: четыре часа туда и столько же обратно, только стоя, да и то, если повезет, потому что электропоезд граждане брали штурмом. В одну из поездок Ася попробовала «Фанту», и очень ей по вкусу пришлись чипсы, которые назывались «Московский картофель».

У Аси подружка была. Оля Четвертинкина жила этажом выше, и была на год помладше. Наивная, добрая и непосредственная девочка. Однажды ей приглянулась дешевая брошка в серванте, уж очень красиво у нее переливались камешки. Ну, Оля и взяла ее себе без спроса. Когда ее родители заинтересовались: «Зачем?», то она так прямо и сказала: «Понравилась». Конечно, брошку вернули хозяйке с извинениями, а девчонке влетело по полной. Думаю, что родители ей все в доступной форме объяснили, потому что таких инцидентов больше не случалось.

Как-то Оля с Асей решили сходить в кино, но денег было ровно на билеты. А что за интерес смотреть фильм просто так? Девчата стали думать, и тут Ася вспомнила бабушкин рецепт. Она достала чайные ложки, сыпанула туда сахар, подержала над огнем и бросила в холодную воду. Все, леденцы были готовы, правда выковырнуть их не получилось, да и времени было в обрез. Девчонки распихали ложки по

карманам и, громко бряцая железом, побежали в кинотеатр. Как только погас в зале свет, подружки принялись слизывать пригоревшие леденцы. А что еще ребенку для счастья надо?

Как-то девочки голубку с раненым крылом подобрали во дворе. Долго лечили, а потом отпустили на волю. Вообще, «на радость» маме, Ася много несчастных зверушек в дом притаскивала: кошечек всяких, собачек, которых родительнице потом приходилось куда-нибудь определять.

Этажом ниже жили две нервные гражданки, которые не выносили шума. Все на свете старушку-мать и пожилую женщину-дочь раздражало. Пройдетя Ася по полу, те уже стучат по батарее. Уронит случайно книжку – снова сигнал. Буквально на все звуки реагировали щепетильные дамы, будто и не жили своей жизнью, а подслушивали за другими.

Ася с Олей любили строить шалаш. Стол, стулья, тряпье разное – все шло в ход. Обязательным условием было полное затемнение, а внутри зажигался фонарик. Однажды девочки так активно взялись за строительство домика, что рассердили соседок не на шутку. Они что-то передвинули, чем-то погромели, чего-то уронили, а еще смеялись и топали. Да как такое безобразие можно было оставить без внимания? Стук по батарее не смолкал ни на минуту, но девочки были дома одни, поэтому на предупредительные гневные «залпы» особенно не реагировали. Тогда рассерженные соседки не поленились подняться на этаж. Они начали трезвонить в дверь, но им, естественно, никто не открыл. Разъяренные да-

мы привлекли общественность, то есть жильцов из соседних квартир, и пригрозили нарушительницам тишины милицией, но и это не возымело силу.

Испуганные девочки сидели «в шалаше» и глупо хихикали, пережидая бурю.

– Оля, давай запустим воздушных змеев с балкона, – предложила шепотом Ася.

– Давай, – согласилась Четвертинкина.

Все-таки это тихое занятие, почти бесшумное. Девчонки выдрали листы из альбома, разрисовали их, привязали по катушке ниток и вышли на балкон. Восьмой этаж, по силе ветра, оказался вполне подходящим для этой забавы. Змеи извивались и рвались ввысь, а девчонки разматывали катушки, чтобы дать им побольше свободы. Но кто же знал, что воздушные потоки потащат их к самым облакам. Короче, не понятно как, но ниточки оборвались, а катушки полетели прямиком на балкон сердитых соседок.

Вечером дамы подкараулили маму в подъезде.

– Это безобразие! – наперебой восклицали они. – Мы пожалуемся участковому!

В доказательство Асиной вины они вручили катушки ниток, и маме ничего не оставалось, как принести извинения. Любительницы тишины жили в одиночестве, поэтому понять детскую натуру они, ну никак, не могли. Невозможно же ребенка заставить ходить на цыпочках, разговаривать шепотом и не играть. Хотя, современные дети именно такие.

Сидят себе за компом или с телефончиком, и шума почти не производят. Мечта!?

Со сладостями в советские времена было туговато, поэтому изощрялись по-разному. Кто-то, если повезло достать сгущенку, варил ее. Правда железные банки иногда взрывались, и приходилось родителям белить потолки в кухне. Экспериментировали и с выпечкой. Асина мама работала на заводе, поэтому ей не стоило большого труда заказать слесарям выточить на станке заготовку для «грибочков», а ручку пришпандорили добрые дяденьки из соседнего, деревообрабатывающего цеха. Правда конструкция вышла не очень совершенной, и Асе приходилось изделие за «ножку» выталкивать в кипящее масло длинной макарониной. Зато такой «грибовницы», точно, ни у кого больше не было. Эксклюзив! Ну да, продавались в магазинах «вафельницы» и «орешницы», но за деньги. Где их было взять? А вот для изготовления шоколадной колбасы никаких приспособлений не требовалось – усердие только. Мыслимо ли было переломать на мелкие-мелкие кусочки, для «жиринок», килограмм тугого печенья за вечер. И вообще, всякая уважающая себя девочка имела рукописную тетрадку с рецептами, которыми делилась с другими.

А еще была мода вести песенники. Девочки на слух записывали в тетрадку тексты, путая слова, и разучивали наизусть. «Старая мельница крутится, вертится...» или «На недельку, до второго, я уеду в Комарово...» Лучшее всего Асе

удавалось исполнение дуэтной песни «Две звезды». Она выходила с таким чувственным надрывом, что на последнем куплете у девочки садился голос. Алла Пугачева – вот кого Ася считала лучшей певицей. Из мужчин ей нравились Высоцкий, Джо Дассен и Тото Кутуньо.

Девочка мечтала научиться играть на пианино, только не было финансовой возможности, да и слух был далеко не идеальный. Зато у нее имелся кукольный деревянный «рояль» красного цвета с миниатюрными черно-белыми клавишами, подаренный мамой в раннем детстве. На нем Ася и брэнчала. И пусть то детское пианино было игрушечным, а все же представляло из себя музыкальный инструмент.

Творческая жилка у Аси, несомненно, присутствовала. Например, она умела рисовать. Девочка легко могла набросать портрет в карандаше, правда с фотографии. Любила Ася бальные танцы...смотреть. Обожала фильмы и спектакли, потому что мечтала стать актрисой. Ася даже в кружок театральный в школе записалась, только руководитель не рассмотрел в ней талант. Может быть он и был, но так глубоко зарыт, что за природной стеснительностью его было и не разглядеть. Поэтому ей досталась роль слуги в сказке о золотой рыбке с единственной репликой: «Кушать подано». Зато в сценке про пионеров, собирающих металлолом, особенных способностей к перевоплощению не требовалось, и Светлана Васильевна дала Асе главную роль.

В клубе собралась тогда вся школа. Было очередное со-

брание, посвященное какому-то событию. «Говорильню» Ася не переносила, да и кому это вообще это могло быть интересно? Потом начались выступления: чтецы, хор и прочее. Ася бродила за кулисами, настраиваясь на выступление и вспоминая реплики в предстоящей сценке. Но она так увлеклась, что заблудилась. Очнулась она, когда одноклассница Лариса громко крикнула со сцены:

– Иди сюда скорее! Здесь целая куча металлолома!

«Мамочки», – пронеслось в голове у Аси, – «где же выход?» Она в темноте рванула в сторону, но там оказался тупик. Затем Ася повертела головой и увидела отблеск света. «Туда», – решила она. Лариса же стояла на сцене одна и звала Асю:

– Здесь целая куча разных железок! Иди сюда!

По замыслу Светланы Васильевны, девочка должна была оглядываться назад и махать рукой, подзывая подружку.

– Да сейчас я, – пропыхтела Ася и запнулась за кулисами об пустое ведро.

То с грохотом покатилося, а в зале раздались смешки.

– Да где же ты? – не унималась Лариса и махала рукой.

Так уж вышло, что Ася появилась с другой стороны сцены, но одноклассница ее не сразу заметила и продолжала звать:

– Куда ты запропастилась?

– Я здесь! – выкрикнула Ася, выскочив из кулис.

В зале раздался смех. Эта нелепость выглядела намного

забавнее, чем тематика сценки.

– Я нашла макулатуру, – напрочь забыв текст, сообщила Ася.

Макулатура в те годы занимала умы людей, ведь благодаря ей можно было приобрести интересные книги. Так в доме появились Артур Конан Дойл, Рафаэль Сабатини, Александр Беляев и другие авторы. Уж что-что, а читать Ася любила. Первой книгой, которую она осилила от корки до корки, стала «Волшебник изумрудного города». Потом были и другие удивительные произведения, которая девочка читала взахлеб, не расставаясь с книжками ни на минуту.

Как начиналось утро советской школьницы? С будильника, конечно. Обычного, механического, который нужно было завести на ночь. Далее завтрак: шпаклевание, по шутливому выражению мамы, хлеба маслом. Только кушать Асе приходилось в одиночестве, ведь завод работал с семи, а уроки начинались в половине девятого. Девочка одевалась, натягивала портфель на спину, закрывала квартиру и вешала ключ на шею. Посмотрела направо, дошла до середины улицы – глянула налево, потом снова направо. Это правило дорожного движения было железным и выполнялось неукоснительно. С семилетнего возраста дети считались уже взрослыми и вполне самостоятельными, поэтому никто за ручку их в школу не водил.

Потом начинались уроки. После них счастливики разбредались по домам, а вот невезучие оставались в продлен-

ке, в том числе и Ася. После обеда группа шла на прогулку, а затем усаживалась выполнять домашние задания. Скукота, одним словом. Ася с нетерпением ждала вечера, ведь ее ждала встреча с мамой за ужином, а еще передача «Спокойной ночи, малыши» по телевизору, после которой она сразу ложилась спать.

Но и среди серой обыденности бывали радости. Дети трескали сухой, плодово-ягодный кисель или рогалики за три копейки. А какие были вкусные жареные пирожки с повидлом на площади за пятак. И ни один советский ребенок не мог устоять от искушения по дороге из булочной обгрызть корочку с теплого хлебushка. А еще было мороженое. Нынешнее и в подметки не годится тогдашнему, потому что делалось из натурального молока. Но Асе не очень нравился пломбир, а вот дешевое, с легкой смородиновой кислинкой в бумажном стаканчике, было в самый раз. Кстати, к нему прилагались деревянные палочки, из которых, мальчишки мастерили не то вертолет, не то бумеранг.

Ася любила заходить в книжный магазин. Нет не для того, чтобы купить учебник – их бесплатно давали в школьной библиотеке. Ей нравился запах свежей типографской краски, красивые переплеты, шорох белоснежных страниц. Интеллигентные люди в очках прохаживались вдоль прилавков, тихо переговариваясь с продавщицами. Это был какой-то особенный мир, к которому Ася относилась с трепетом.

Полный восторг у девочки вызывал цирк. Вот уже где было интересно и весело! Дрессированные животные, клоуны, акробаты, фокусники – детское сердечко в цирке заряжалось радостью. Тогда билеты стоили недорого, а маме от профкома вообще их бесплатно давали.

Ася обожала и сквер на городской набережной, особенно в период цветения шиповника. Кусты, обильно усыпанные ярко-розовыми цветами, источали дивный аромат. Там прогуливались курсанты-иностранцы из военного училища и местные красотки, желающие завести с ними знакомство. После одного такого романа у Анечки, одноклассницы Аси, появились на свет братик с сестричкой. Они были очень темненькие и очень кудрявенькие, ведь их папа был кубинцем. Закончив учебу, он вернулся на историческую родину, оставив своих детей в Советском Союзе. Малыши были замечательные, хоть на вид и нездешние, и лихо лопотали по-русски. Лично у Аси это вызывало всякий раз изумление.

Военное училище находилось через дорогу. Каждое утро начиналось с топота ног по мостовой – курсанты начинали свой десятикилометровый забег. Однажды посреди ночи раздался страшный грохот. Мама подскочила с постели, подбежала к окну и испуганно вскрикнула:

– Танки! Война началась.

После этого она заплакала и пошла будить соседей, но быстро вернулась.

– Учения, – смеялась мама. – Отбой тревоги!

В школе Ася дружила с Леной Лисичкиной. Они и жили по-соседству. Ася – в новой девятиэтажке, а Лена – в двухэтажном деревянном доме за глухим забором через дорогу. Двор, что образовался от нескольких старых построек, был тихий. Когда Ася туда попадала, ей даже не верилось, что она в городе. Зеленая лужайка, деревья, кусты, цветы и ко soboкие скамеечки, на которых сидели старички. Прелесть, одним словом. Дедушки резались в домино, карты или шахматы, а бабушки с азартом играли в лото, даже копеечки на кон ставили. У детей были свои забавы: прятки, жмурки, вышибалы, съедобное-несъедобное, колечко-колечко, сломанный телефон, я садовником родился и казаки-разбойники. Никаких компьютеров тогда и в помине не было, и дети развлекались как могли. Надо сказать, что очень весело проводили время.

Ася все время подгоняла Лену, потому что та была медлительной, несобранной и все время на что-нибудь отвлекалась. Копуша могла целый час просидеть в гардеробе, особенно зимой. Асе становилось жарко в шубе, и она начинала поторапливать подружку. Когда терпение лопалось, то девчонка принималась одевать Лисичкину, чтобы поскорее попасть домой. Школьный сторож тоже выходил из себя и сердито гремел ключами, зато Лене было все нипочем. Она вообще никогда и никуда не спешила.

Однажды весной Лисичкина засмотрелась на огромную снежную глыбу, которая медленно сползала с крыши. Асю

тоже заинтересовал это феномен, и она встала рядом. Благо мимо шла здравомыслящая тетечка, которая в последний момент успела оттолкнуть зевак в сторону. Ледяная махина с грохотом рухнула на землю, не причинив девочкам никакого вреда, а прохожая охнула, покачала головой и пошла по своим делам дальше.

Лена училась плохо, так что ее маме, тете Тае, пришлось нанять репетитора, а потом, и вовсе, перевести дочку в другую школу. Но детская дружба на том не закончилась. Девочки по-прежнему много времени проводили вместе, и однажды даже спасли из помойки котят, которых туда вышвырнула жестокая соседка.

Мама Лены всегда относилась к Асе хорошо, но однажды произошел странный случай. Тетя Тая принесла из кондитерской сладкий пирог и усадила девочек пить чай. Выпечка была такой свежей и вкусной, что Ася не могла от нее оторваться. Тетя Тая улыбалась, подливала чай и отрезала гостю кусочек за кусочком.

– Кушай, деточка, – приговаривала она.

Сытая и довольная Ася встала из-за стола, от всего сердца поблагодарила хозяйку и ушла домой, а на следующий день получила от мамы строгий выговор:

– Как тебе только не стыдно! Ты с голодных краев что ли?

– Я... не знаю, – растерялась Ася.

– Прошу тебя впредь не кушать в гостях!

У Аси, на другом конце города, жила еще одна знакомая

девочка. Сначала дружили их мамы, а потом это передалось и их детям. Ася частенько приезжала в гости к Свете Воскресенской и оставалась на ночь. Ее мама, тетя Валя, воспитывали двух дочерей одна, поэтому еле сводила концы с концами, но на работу не ходила. Так-то она была здоровая, но трудилась почему-то на дому. Тетя Валя в какой-то организации брала заказы и вязала вещи, за которые получала жалкие крохи. Зато была веселой и неунывающей. Когда сломалась кровать, тетя Валя приволокла с помойки старый продавленный диван с клопами. Асе доводилось не раз на нем спать, правда к утру проступали многочисленные укусы этих мерзких насекомых. Только все это ерунда! В той бедной семье царили мир, любовь и согласие, и Асе это очень нравилось. В конце-то концов, не во вкусной еде счастье. Черный хлеб с засахарившемся вареньем у добрых людей куда приятнее на вкус, нежели дорогой пирог из кондитерской.

Три первых года в школе пролетели незаметно. За это время ребята успели побывать в октябрятах, а затем их приняли в пионеры. Процесс вступления Аси в организацию был не совсем приятный. Она не попала в первую волну, когда принимали самых достойных, потому что схлопотала тройку за контрольную. Софья Антоновна тогда на нее рассердилась и громко сказала на весь класс:

– Ты не достойна носить красный галстук!

Представляете? Девочка, чья фотография красовалась на доске почета в классе за хорошую успеваемость, не достойна.

У Аси даже слезы выкатились из глаз от обиды. Ее приняли в пионеры весной, накануне девятого мая, а галстук ей повязал ветеран войны, чья грудь была в орденах и медалях. Куда уж почетнее? Правда во время обеда Ася умудрилась кончики новенького галстука обмакнуть случайно в жирный суп. Она расстроилась, конечно, припомнив стихи, что прочитала Светлана Васильевна на линейке: «Как повяжешь галстук, береги его: он весь с красным знаменем цвета одного...»

Третий «Б» попрощался с Софьей Антоновной и шагнул на следующую ступеньку развития. Педагоги теперь были разные. «Математичка» ходила в перчатках, и какие только небылицы не сочиняли дети по этому поводу: когти у нее там, язвы, черная кожа и тому подобное. На самом деле учительница просто страдала аллергией на мел. Она была очень полной, и очень строгой, а девочек недолюбливала. Как-то учительница задала на дом выучить теорему. Ася вызубрила, пересказала маме и со спокойной совестью легла спать. На следующий день учительница вызвала девочку к доске и так сердито глянула на нее, что та сбилась, растерялась и «поплыла», словно и не учила материал вовсе.

– Два! – рявкнула учительница. – Сядь! Зачем вообще вышла к доске?

– Я учила, – попыталась оправдаться Ася.

– Оно и видно!

С той поры у девчонки с математикой разладилось, даже сон страшный стал сниться: будто бы идет экзамен, а Ася

ничего не помнит.

Учительница по русскому языку была просто душкой. Молоденькая, симпатичная и немного застенчивая. В ее лексиконе была одна особенность: она все время «такала». Ася подметила это и однажды предложила Лехе посчитать. Ей было интересно, сколько же раз за урок учительница произнесет свое любимое словечко. Парень тут же начал на обложке тетради ставить палочки и хихикать. Забава не осталась незамеченной, и вскоре к Асе и Лехе присоединились другие «счетоводы». Один из них не утерпел и произнес вслух:

– Девять!

– Так, что там происходит? – поинтересовалась учительница.

– Десять, – ответил парень и засмеялся.

– Так! – занервничала «русичка». – Что за игра?

– Одиннадцать, – хмыкнул Леха.

– Так, – вспыхнула учительница, – я сейчас завучу пожалуюсь.

– Двенадцать, – хором ответил ей класс.

Тут прозвенел звонок, и все ринулись на перемену.

Есть справедливость на свете! За свою шутку Ася вскоре расплатилась. Учительница велела к следующему уроку литературы выучить отрывок из поэмы Есенина, и Ася принялась за дело. Хорошо, что в запасе было несколько дней, иначе такой объем она просто не успела бы запомнить. Девчонка вызубрила огромный отрывок, благо память была хо-

рошая, и по воле учителя к доске была вызвана первой. Ну, и понеслось: одна страница текста, вторая, третья... Никто не хватился. Читает наизусть человек поэму, ну и пусть себе читает. Кому это интересно? Учительница заполняла журнал под ровное, без всяких запинок, исполнение произведения, а одноклассники заняты были своими, не менее важными делюшками: кто-то «домашку» перекачивал у товарища, кто-то яблоко грыз втихаря, кто-то в носу ковырял. Один Леха заподозрил неладное и открыл учебник. Он прошелестел страницами, от удивления округлил глаза и покрутил пальцем у виска. Но Ася всего этого не видела, потому что смотрела в одну точку, чтобы не сбиться с нужного курса. Такое Леха был не в состоянии переварить в одиночку и толкнул соседа спереди, а потом развернулся к задним партам.

– Видали? – громко прошептал он.

– Потюше! – постучала ручкой по столу учительница, не отрывая глаз от журнала. – Не мешайте своему товарищу отвечать.

– Так она уже минут десять шпарит, – возразил ей Леха.

Учительница подняла глаза и стала прислушиваться. На ее лице сначала промелькнуло удивление, а потом наступило легкое замешательство.

– Достаточно, – сказала она. – Пятерка. В следующий раз, Ася, внимательнее записывай домашнее задание с доски.

– И очки надевай, – пробубнила девчонка себе под нос.

Учительница музыки приобщила детей к искусству сим-

фониями великих композиторов. Педагог была натурой одухотворенной, но в ее гардеробе появилась джинсовая юбка. Она была на пуговицах спереди, которые все время расстегивались. Скромную учительницу это смущало, поскольку обнажались ее стройные ножки перед учениками. Вскоре она уже и думать не могла о музыке, потому что все ее мысли были заняты этими несчастными пуговицами: «Расстегнулись или не расстегнулись?» Она нервничала, то и дело бросая взгляд на свою модную и неудобную, во всех смыслах, юбку.

Педагог по рисованию жила с Асей в одном доме, поэтому было не понятно, как правильно расценивать комплименты ее рисункам. По дружбе или по службе? Она настойчиво советовала Асе записаться в художественную школу, только заикаться об этом маме девочке было как-то неудобно. За все нужно было платить, включая краски и альбомы. А где взять лишний рубль? Асе и вещи-то донашивала за двоюродной сестрой. Нет, мама, конечно, покупала ей обновки, но каких усилий это стоило.

Педагог по французскому языку восторгалась Асиным произношением:

– Надо же, – часто повторяла она. – Исключительный случай.

Учительница была новатором и пыталась привить любовь к иностранному языку всеми доступными ей способами: рассказами о стране и прочтением сказок в оригинале. Только детишкам все это было не очень интересно, ведь им каж-

дый день приходилось пополнять свой словарный запас, а это труд. Зато, когда учительница принесла в школу маленькие бумажные прямоугольники, пропитанные неясным, но фантастическим веществом для замазки ошибок – вот это было круто!

Педагоги были новые, зато одноклассники оставались прежними. Сенька-драчун засветил как-то Асе кулаком в нижнюю губу. Чего-то он был не в духе: молчком подошел, ввалил и убежал. Мама потом его подкараулила возле дома, схватила за шиворот и припугнула хорошенько, чтобы не по-вадно было. Он так струсил, бедняга, что на следующий день даже прощения попросил. Училась в классе девочка со сказочным именем Злата. Она занималась танцами, поэтому ходила, выворачивая стопы. Девочка даже стояла у доски в пятой позиции. Зина была плаксой, и хорошие оценки вымогала у учителей слезами, ссылаясь на строгих родителей. Женя был высокий крепыш с толстыми щеками, которые тряслись во время бега. Надя была очень полной девочкой. У нее были две косы, тонюсенькие и длинные, которые доходили до того места, где должна быть талия. Таня, впадая в задумчивость, ковыряла в носу и ела козюльки. Чернявый Андрюша задирали девочкам подолы, а вот Сережа, с которым Ася жила в одном доме, был положительным мальчиком. Он проявил сочувствие, когда Ася спикировала зимой с горки во дворе и разбила в кровь нос. Сережка дал ей платок, надел на озябшие руки свои варежки и проводил домой. Таким вот доб-

рым оказался парень по фамилии Иванов.

С каким же облегчением Ася рассталась с группой продленного дня! Теперь сразу после уроков она шла, совсем как взрослая, домой. Хотя дома особо заниматься было нечем, разве что уроками и чтением книг. Телевизоры в то время были черно-белые и без пульта, так что приходилось вставать, чтобы переключить канал. Да их и было-то всего два, зато без рекламы. Что показывали? «Сельский час» и «Вести с полей», а еще транслировались съезды народных депутатов СССР. Самыми рейтинговыми у детей считались: «В гостях у сказки», «Спокойной ночи, малыши» и «АБВ-ГДейка». Взрослые черпали новости из программы «Время» и «Международной панорамы», а потом активно обсуждали услышанное. Напряженная обстановка в мире тревожила всех. Боялись, что вот-вот развяжется третья мировая война, поскольку шла гонка вооружения, и росло противостояние Америки и Советского Союза.

Когда Ася пошла в первый класс, страной руководил Брежнев. Это были времена застоя, о которых теперь все вспоминают с упоением, поскольку была стабильность. Второклассникам учительница сообщила, что Леонид Ильич умер. В стране был объявлен траур, и детей распустили по домам, чтобы те по телевизору посмотрели проводы генерального секретаря. На смену Брежневу пришел Андропов, а следом Черненко. В принципе, политика партии не изменилась. Первого мая и седьмого ноября горожане по-прежнему

собирались на демонстрацию. Рабочие цеха, в котором работала мама, тоже там всегда были, ну и детей, конечно, с собой брали. Рабочий класс нес в руках знамена и транспаранты, а ребятня – искусственные цветы на длинных палках и воздушные шарик. Все горланили песни и раскатисто кричали: «Ура!!!» Движение в центре городе на момент демонстрации перекрывалось, поэтому сослуживцы дружной толпой дважды в год заваливались к маме в гости. День начала Великой Октябрьской революции или День международной солидарности трудящихся был отличным поводом для дружеского застолья.

Школьников, как и прежде, фотографировали у развернутого знамени – такое было поощрение. Кстати, та памятная фотография до сих пор хранится в альбоме у Аси. И утро начиналось с «Пионерской зорьки» по радио, и галстуки продолжали носить, и макулатуру собирать, и одиноким старикам помогать, поскольку все дети были «тимуровцами». Книжка такая была у Аркадия Гайдара «Тимур и его команда», оттуда все и пошло. Надо сказать, что идея была правильная. Перестройка начались в восемьдесят пятом, с приходом к власти Горбачева. Михаил Сергеевич говорил про демократию, свободу слова и плюрализм мнений, заражая своими идеями других. Получалось так, что раньше все было плохо, а жили люди вроде бы и ничего. В восемьдесят шестом году случилась авария на Чернобыльской АЭС. Асе запомнилось выступление диктора телевидения, который го-

ворил про народную беду и призывал на помощь добровольцев. Про радиацию и риск для жизни как-то умолчали, но заплатили хорошо, только вот деньги, по большей части, достались вдовам и сиротам.

В следующем году семья из центра перебралась в двухкомнатную «хрущевку» на окраине города. О, это было что-то! Неподалеку находился военный аэродром, а перебоев с керосином не было. Так что летали самолеты круглосуточно, с небольшим временным интервалом и низко-низко, издавая оглушительный рев, от которого в домах дрожали стекла. Жизнь при этом не останавливалась, но протекала, как в немом кино.

В первый день Ася вздрагивала и затыкала уши. «Дом, милый дом», – вздыхала она, вспоминая родную девятиэтажку со сломанным лифтом. И пусть нынешняя квартира была двухкомнатной, зато в прежней было тихо. А любимый двор с друзьями? Здесь она была совсем одна, и от этого Асе было очень грустно. С большим трудом она все-таки провалилась в сон, но вскоре в испуге подпрыгнула.

– Водитель, Сидоров, – прокричал в микрофон неприятный женский голос, – срочно зайдите в диспетчерскую!

Было раннее утро, и начала свою работу автобаза, что находилась прямо под окнами.

– Здравсьте, – сердито буркнула Ася.

Утреннюю тишину вдруг разрезал гудок поезда на железнодорожной станции, что тоже находилась совсем неподале-

ку.

– Туту, – хмыкнула Ася, закрыла глаза и вскоре засопела под мирный стук колес.

А утром мама преподнесла ей сюрприз.

– Я забрала твои документы из школы, – сообщила она.

– Как? – расстроилась дочь.

– Незачем тебе вставать на час раньше и пиликать на троллейбусе в центр. Я решила, что так будет правильно. Тем более, что новая школа совсем рядом.

– Я лучше буду вставать раньше, – возразила девочка. – Не хочу я в другую школу переходить.

– Успокойся. Все уже решено!

Мама всегда отличалась строгостью, и переспорить ее было невозможно. Асе не оставалось ничего другого, как смириться с неизбежностью и начать обучение в седьмом классе чужой школы.

Первого сентября мама накрутила ей волосы на термобигуди, отчего взволнованное, ярко-розовое лицо девочки запылало от жара еще ярче. Серая юбка, красная ветровка и кудри – такой Ася предстала перед одноклассниками.

– Меня зовут Ираида Альбертовна, – представилась классная руководительница пенсионного возраста с широченными бедрами.

Лицо у нее было рябоватым и странным, словно у восковой куклы. Наверное, уставшие глаза с потухшим взглядом, цвет кожи и скудная мимика давали такое сходство.

– Зябликова, – сообщила учителю «свои позывные» девочка. – Анастасия.

Новенькую одноклассники разглядывали с интересом. Повышенного внимания к своей персоне Ася всегда не любила, поэтому смутилась и отошла в сторонку, но кто-то положил ей сзади на плечо руку и сказал на ухо:

– Привет!

Ася развернулась и увидела Сережку Иванова, того самого положительного мальчика, который однажды проводил ее с разбитым носом до дома.

– Привет, – обрадовалась девочка. – Снова будем учиться в одном классе? Вот так совпадение!

– А это Коля Дроздов, – сообщил Сережа, указав пальцем на худого носатого парня. – Мой лучший друг.

Ася сразу сблизилась с Лизой, с ней они жили в одном доме, но в разных подъездах. Как потом выяснилось, различались и их взгляды на жизнь. Лиза была коротышкой и смотрела в рот дылде, что училась на класс помладше. Лариса была не только высокой и красивой, но и вела себя вызывающе: ходила в коротком платье, пользовалась косметикой, красила ногти, таскала сережки и цокала каблуками. В те времена девочкам не подобало осквернять образ советской школьницы, даже соответствующие проверки проходили время от времени. Длинные же волосы Ларисы всегда были распущены, при этом ее большие карие глаза навывкате смотрели на всех свысока.

Лиза, наравне с другими девочками и мальчиками, состояла в ее свите и постоянно рекламировала свою подругу:

– Она самая красивая в нашей школе.

– Самая обычная, – однажды раздраженно сказала Ася.

Одноклассница ничего не ответила, лишь сердито сверкнула своими крошечными глазками и поджала губки.

Тем же вечером Лариса учинила Асе во дворе дома разборки.

– Говоришь, я самая обычная? – выпалила она.

Лиза зарделась и с обожанием посмотрела на своего кумира. «Ату ее, ату!» – кричало ее нутро.

– Тебе чего от меня надо? – напрямую спросила Ася, усаживаясь на низкий металлический заборчик.

– Не распускай больше свой язык. Поняла? А то...

Ася улыбнулась:

– А то... что?

Один из поклонников рассердился и пихнул девчонку в плечо. Ася, сделав кувырок назад, ухнула на землю. Падение вышло и некрасивым, и неудачным, ведь она приложилась затылком об асфальт, а когда очухалась, то грозной Ларисы уже и след простыл.

Какое-то время общалась Ася с Олей и Юлей. Одна обожала животных и держала здоровенную овчарку, а другая трещала без умолку, рассказывая всем обо всех. Однажды Ася пригласила девочек к себе домой и зачем-то загипнотизировала Олю.

– Не может быть! – удивилась Юля и потрясла за плечо спящую одноклассницу.

Затем она склонилась над ней и гаркнула в самое ухо:

– Олька! В школу пора!

Но девчонка продолжала спать, и тогда Ася брызнула ей в лицо воды.

– Что же делать? – всполошилась Юля.

– погоди, – задумалась Ася. – Будить надо гипнозом.

Девчонка уставилась немигающим взглядом на одноклассницу и заговорила монотонным голосом:

– Сейчас я досчитаю до трех, и ты откроешь глаза. Раз, два... три!

Оля распахнула глаза и улыбнулась.

Вскоре Юля сообщила классу, что Андрей разбился на мотоцикле. Он получил серьезные травмы, пережил много операций и долгий курс реабилитации. Досталось тогда бедолаге, но выдюжил. Асю поразили те перемены, что произошли в Андрее. И дело было, вовсе, не в хромоте. Он будто стал старше своих сверстников, столкнувшись лицом к лицу с серьезным испытанием.

У Аси появились в классе сразу два поклонника: Дроздов Коля и Алексеев Дима, причем их ухаживания носили какой-то издевательский характер. Мальчишки подкладывали ей кнопки на стул, а девчонке приходилось сидеть на них и терпеть, не подавая виду. Не доставлять же этой «шпане» радость! Димка обзывался и выкручивал руки на перемене, за-

то во время уроков не сводил с Аси влюбленных серых глаз. У Коли замашки были похожие. На катке он как-то сбил Асю с ног, а потом радостно гоготал. Только вот девочке было не до смеха, потому что на затылке выскочила огромная шишка. Не давал покоя Дроздову и Асин портфель.

Мама купила его по случаю премии. Портфель был потрясающего цвета фуксии, вдобавок увешан декоративными цепочками и усыпан иностранными надписями. Такой модный экземпляр отхватить в те времена было, что выиграть в лотерею. Словом, Асе несказанно повезло, только вот Дроздову этого было не понять. Он выдергивал портфель из рук и убегал, а Ася догоняла, отбирала и лупила им Кольку. Так продолжалось день за днем. Хватка у девчонки крепла, и Дроздову становилось все труднее уворачиваться и пускаться с вожделенной добычей в бега. Борьба шла нешуточная! Понятное дело, что такого варварского отношения к себе портфель не выдержал и однажды лопнул. Ася зашила бедолагу, но на следующий день он снова треснул, и вскоре на нем не было уже живого места. От частых штопок иностранные надписи скривились, потеряв не только буквы, но и смысл, наверное. Бесконечные стирки испортили первоначальный окрас портфеля, сделав его грязно-розовым, а еще он потерял форму. Асе было уже стыдно с ним ходить в школу, но мама, в воспитательных целях, не покупала новый.

– Ты безобразно относишься к вещам! – негодовала она. Вот и ходи с рваниной, раз не умеешь ценить хорошие вещи.

Ася и ходила. Ей и интереса больше не было сражаться за портфель, ведь он потерял товарный вид. Вскоре он отправился на помойку, и мама выдала дочери свой старый черный дипломат со сломанными застежками. В самый неподходящий момент он открывался, а все содержимое вываливалось оттуда. Это уж потом Ася приспособилась таскать его не за ручку, как полагается, а совать в подмышку.

Между Асей и Колей постоянно были стычки. И надо было Ираиде Альбертовне додуматься до того, чтобы поставить их дежурить вместе. Сначала все шло неплохо: ребята перевернули стулья на парты и притащили ведра с водой. Только вот тряпку Дроздов нарочно отжал Асе на ноги, а та, конечно, не растерялась и плеснула ему грязную воду в лицо. Колька тогда схватил ведро и вылил на голову одноклассницы.

– Урод! – закричала разгневанная Ася.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, только в класс вернулась учительница. Ася стояла мокрая, а с ее волос стекала грязными струйками вода.

– Зябликова! – прикрикнула учительница. – В чем дело?

– Дроздов меня облил, – процедила Ася и показала Кольке кулак.

– Нечего переваливать свою вину на других! – почему-то рассердилась Ираида Альбертовна. – Чуть-что, так мальчишки у них виноваты!

То ли учительница затаила на нашего брата обиду, то ли

просто отдавала предпочтение мужскому полу – это никому не известно, но ее нескрываемая нелюбовь к девочкам была очевидна всему классу. Спорить Ася не стала. Она громко хлопнула дверью и ушла домой, оставив домыывать Кольку полы в гордом одиночестве.

По негласному правилу, девочки старались не злить учительницу. Асе однажды чуть не попало по голове книгой «Война и мир», ведь Ираида Леонидовна была не только классным руководителем, но и преподавала литературу. Но тут без обид, Ася и сама хороша. За то, что она переговаривалась и хихикала на уроке с соседкой, учительница пересаживала ее на первую парту, а Огурцову вызвала к доске. Та, понятное дело, ничего не знала и вытаращила на Асю глаза. Надо было спасти соседку!

Ираида Альбертовна была в тот день раздражена нескончаемыми полетами. Она замолкала, сбивалась с мысли и сердилась. Потом учительница подошла к окну и свирепо уставилась на пролетающий в небе самолет, а Ася, уловив подходящий момент, начала подсказывать Машке. Она так увлеклась, что просто-напросто упустила из виду Ираиду Альбертовну. Асе бы сидеть смирно в тот момент, так нет. Учительница угрожающе посмотрела на обнаглевшую ученицу, схватила книгу в четырех томах Льва Николаевича Толстого и прицелилась в голову, но сумела взять себя в руки и шарахнула по столу.

С Огурцовой Ася сидела за одной партой с первого дня

пробывания в школе и до самого выпускного. Маша выглядела не девочкой, а тетенькой. Небольшие, серые, глубоко посаженные глаза и темные круги вокруг – наверное, это прибавляло ей возраст. Ну, и конечно, прическа, то есть полное ее отсутствие. Огурцова по природе была блондинкой, но не любила мыть голову. Когда волосы засаливались, она посыпала их мукой, чтобы «освежить» торчащие во все стороны, непослушные локоны. Ася однажды повторила этот трюк, когда отключили горячую воду. Только она не учла, что уродилась брюнеткой. Поэтому мука припорошила темные волосы «сединай», а затем осыпалась на плечи «перхотью».

До своей прически Огурцовой не было особого дела, но вот для Аси она пыталась найти что-то особенное. Однажды Маша заманила ее к себе домой, чтобы превратить в блондинку. С краской тогда было туго, поэтому девчонки купили нашатырь и перекись в аптеке. Огурцова смешала «реактивы», плеснула шампунь и нанесла эту жуткую «химию» Асе на волосы. Через некоторое время кожу головы начало нестерпимо жечь, но Машка не разрешила смывать смесь до окончания реакции. Она поглядывала на часы и подбадривала подружку:

– Терпи, Аська. Немного осталось!

Когда у девчонки выступили на глаза слезы, Огурцова скомандовала:

– Пора! Шуруй в ванную.

Цвет вышел совсем не тот, что ожидался. Он был даже не

рыжий, а какой-то ржавый, с желтовато-зеленоватым отливом. Ко всему прочему, у Аси проступили на коже волдыри, которые болели и не давали нормально расчесать волосы.

В следующий раз эксперимент не был таким экстремальным. Предстояло фотографирование в школе, и Огурцова предложила сделать «что-нибудь эдакое», но без перекраски.

– Мы склеим прядки, – оповестила она и пошла на кухню делать химический состав.

Машка насыпала в воду сахар, перемешала и стала задумчиво разглядывать стакан на просвет. Потом она макнула туда палец, облизала и добавила еще песку:

– Сойдет. Должны склеится.

Ася безропотно села на стул, а Огурцова начала колдовать над прической. Она брала прядку, макала пальцы в сахарный сироп и смачивала волосы.

– Подсохнет и застынет, – деловито сказала Маша. – Время терпит.

– И что будет? – спросила Ася.

– Сосульки. Это сейчас очень модно!

Наверное, Ася была авантюристкой, раз легко согласилась, а еще она решила сделать себе макияж. Подробности описывать не буду, но скажу про реакцию окружающих. Она была... Как бы сказать поточнее? Смешливо-изумительная – вот! Ася где-то услышала, что фиолетовые тени «голубят» серые глаза, поэтому густо наложила их до самых бровей, ну и снизу веки подкрасила, чтобы уж наверняка. Сладкие

прядки не легли в том порядке, каком намечались, а торчали во все стороны под удобным им углом. Но Ася представляла, что выглядит исключительно модно, только вот прохожие шарахались, очевидно думая иначе, ведь фиолетовые тени смотрелись, как самые обычные фингалы, а волосы – нематыми и нечесаными. Одна старушка даже остановилась и с сочувствием покачала головой.

На предыдущем фотографировании Ася тоже отличилась. Вернее, не она, а фотохудожник, так он себя обозначил. Он притащил в класс много всякой аппаратуры, чтобы выставить правильное освещение. Долго возился, а потом стал приглашать учеников по-одному. Настала очередь и Аси. Она села на стул и вдруг ляпнула:

– У меня большие щеки. Не могли бы вы мне их зрительно уменьшить?

Мастер кивнул и с энтузиазмом принялся крутить осветительные приборы и голову девочки, подбирая нужный ракурс. Поставленная задача, явно, его заинтересовала. Сделав серию снимков, фотохудожник снова кивнул и сказал:

– Думаю, что получится.

– Ты чего так долго была там? – спросила Огурцова.

– Увидишь, – таинственно сказала Ася.

И вскоре Машка увидела. Только с фотографии на нее смотрела не Ася Зябликова, а какой-то гуманоид. Как мастеру удалось добиться такого фантастического эффекта? С помощью подсветки! Девчачье лицо превратилось в треуголь-

ник: среди черной мглы проступала серая тень с большими глазами, сужалась к носу и заканчивалась острым углом на подбородке. Фотография обошла весь класс, вызвав неудержимый хохот. Надо сказать, что и другие ребята выглядели не лучше. Фотограф оказался не художником, а карикатуристом: у всех оттопырились «ухи» и выросли «носяры».

Отец у Огурцовой был дальнобойщиком. По тем временам он много зарабатывал, а еще ездил в Прибалтику, что приравнивалось к загранице. У Машки первой в классе появились эластичные колготки, правда то и дело рвались. Ася тоже не раз становилась к этому причастной, потому что была неловкой. Огурцова поначалу визжала, а потом стала таскать в школу лак для ногтей, чтобы вовремя останавливать «стрелки». Кстати, вскоре пошла мода на черные колготки, но их в продаже не было, поэтому девчонки красили дома, в кастрюлях.

У Машки и «видак» появился раньше, чем у остальных. Кассету с фильмом «Красотка», где Джулия Робертс в главной роли, она крутила постоянно, зазывая и Асю. Девчонки готовили себе глясе из растворимого кофе и мороженого, и усаживались с ногами на зеленый диван. Только вот Асю интересовало кино иного порядка: за «Овод», что показали по телевизору ночью, она пожертвовала сном, а наивная американская сказочка про Золушку очень скоро вызвала оскоми-ну.

Тогда было популярным индийское кино. Еще бы! Точка

на лбу – в этом было что-то магическое, а еще песни, танцы и, конечно, любовь. Однажды девчонки сбежали с контрольной и решили отправиться в кинотеатр. Только у них не было ни копейки, а новый фильм хотелось посмотреть очень.

– Мы сдадим бутылки, – сообразила Ася.

Девчонки распихали их по хозяйственным сумкам, вышли из подъезда и бодро зашагали в пункт приема стеклотары. Только вот путь пролегал мимо школы, а бутылки громко звякали.

– Прижми сумку, – буркнула Ася, – а то внимание к себе привлечем.

– Завуч! – громким шепотом сообщила Огурцова.

Девчонки метнулись обратно в подъезд, гремя на всю улицу стеклотарой. Там они нервно похихикали, немного переждали, а потом крадучись, перебегая от дерева к дереву и прячась за широкими стволами, благополучно добрались до места. Вырученных денег как раз хватило на два билета.

Фильм был с таким трагическим сюжетом, что девчонки рыдали навзрыд, утирая слезы и сопли одним носовым платком на двоих. Его после сеанса Ася отжала, чем вызвала смешки зрителей.

В прошлый раз тоже не обошлось без приключения. Девочки купили в буфете сок. Конечно, Ася смеялась, и жидкость, каким-то таинственным и нелепым образом, попала в нос. Из ноздри вдруг показался пузырь, который с каждым новым «хи-хи» надувался все сильнее. В считанные мгнове-

ния он достиг гигантского размера, при этом еще и переливался всеми цветами радуги. Посетители буфета плакали от хохота, и Асе пришлось проткнуть пузырь пальцем, чтобы успокоить публику.

Вообще она была впечатлительной девочкой, и эмоции у нее выплескивались иногда через край. Как-то во время комедии, она хохотала так, что свалилась с кресла. Эта смешливость преследовала девочку с малых лет, а в подростковом возрасте достигла своего апогея. С ее языка постоянно слетали остроты, над которыми первой начинала смеяться Огурцова, а затем подхватывали ближайшие соседки. До передних и задних парт долетал, конечно, не смысл сказанного, а заразительный смех Аси. Устоять перед ним было трудно, и вскоре начинал хохотать не только третий ряд, но и остальные. Учителям тоже хотелось посмеяться, но нужно было сохранять статус-кво, поэтому они отправляли Асю за дверь под благовидным предлогом «попить водички и успокоиться». Каким же терпением и мудростью должны были обладать педагоги, чтобы за срывы уроков не мстить девочке двойками и замечаниями в дневнике. Представляете, ни разу такого не случилось.

А Огурцова мечтала прыгнуть с парашютом. В один из понедельников она заявила в школу с прокушенными губами и без голоса.

– Прыгнула? – ахнула Ася.

Машка кивнула, и на ее лице промелькнул весь пережи-

тый ужас.

– Кончай издеваться над собой, – посоветовала ей слабо-нервная Ася.

Машка была кокеткой, но флиртовала она не с ровесниками, а с ребятами постарше. Однажды класс отправился в театр, куда прибыли и курсанты военного училища. Огурцова смотрела во время спектакля не на сцену, а строила глазки первокурснику. В антракте он и подкатил к ней знакомиться, а еще подошла Зоя, которую никто не звал. Худенькая девочка выглядела совсем ребенком рядом с фигуристой Машей. Надо сказать, что та ничуть не растерялась.

– Познакомься, Олег, – улыбнулась Огурцова. – Это наша ученица. Мы с Асей учимся в педагогическом, а в школе проходим практику.

Спонтанно возникшая компания сбежала со спектакля на дискотеку в клуб, прихватив и Зою.

Несмотря на крепкую дружбу, Огурцова однажды схлопотала у Аси оплеуху. За несколько дней до этого, девчонки стырили бесхозные карандаши из кабинета труда. Машка свой потеряла, а в Асином, она вдруг признала свой.

– Ты его у меня украла! – взвизгнула она.

Урок уже начался, а учитель истории запаздывал.

– Чего? – возмутилась Ася. – Поумнее ничего не могла придумать?

Девчонка никогда не брала чужого – это было табу. Да, разок сплеховала с Огурцовой, но украли-то карандаши они

вместе. Но чтобы свистнуть у подруги! Нет, такое обвинение было просто возмутительным. Машка попыталась отнять карандаш, но Ася не сдавалась:

– Это мой!

– Нет мой! – тянула карандаш на себя Огурцова.

До этого момента в классе было шумно, а тут все разом затихли и стали наблюдать за девочками.

– Воровка! – крикнула Машка и обвела победным взглядом одноклассников.

Тут Ася не утерпела и залепила Огурцовой звонкую пощечину. Повисла тишина, а в класс вошел Николай Федорович.

Учитель истории был маленького росточка, худенький, и заикался. Но интереснее рассказчика Ася не встречала. Он примагничивал к себе внимание ребят различными историями – все слушали его, раскрыв рты. Кстати, заикание Николая Федоровича в такие моменты проходило. Он был начитан, и много знал, чего интересного об исторических событиях и ярких личностях прошлого. Наверное, именно таким и должен быть учитель: любить свой предмет и уметь доносить информацию до учащихся. Он еще увлекался археологией и организовал кружок, в который записались мальчишки из класса, а еще из параллельного, и даже из другой школы. Историк занимался с ребятами не только теорией, но и возил на раскопки. Он был не просто учителем, а старшим другом, ведь мальчишки наедине называли его на «ты», и это

не было панибратством.

Поскольку Николай Федорович был добрым, то и издевались над ним по-полной. У него были какие-то невозможные, ароматизированные ручки. Пока он увлеченно что-нибудь рассказывал аудитории, первая парта хватала и пускала нюхать по рядам. Однажды его портфель привязали леской к стулу, а еще на спину прилепили лист бумаги с каким-то обидным словом. Как-то урок истории проходил в кабинете биологии, ну и мальчишки составили все горшки с окон на его стол. Николай Федорович был маленького роста, поэтому, когда сел, то «утонул» в цветах, а Сережка Милин закричал с галерки:

– Смотрите, кактус расцвел!

До такого надо было еще додуматься: взять и нанизать на шипы яблочные огрызки.

Историк почему-то упорно называл Асю – Прохоровой, а Свету – Зябликовой. Да, внешнее сходство определенно было, но не настолько уж. Сначала Николая Федоровича поправляли, а потом просто перестали на эту странность обращать внимание. Спорить с учителем было бессмысленно, поэтому отвечать к доске девочки выходили под чужими фамилиями. И в журнале была путаница: отвечала Зябликова, а оценку историк ставил Прохоровой, или наоборот.

Случилась реформа, и Ася после седьмого класса сразу перескочила в девятый. По его окончанию многие ребята поступили в ПТУ и техникум. Была и у Аси одна задумка, но

она не осмелилась воплотить ее в жизнь. Девчонка мечтала поступить в Щукинское театральное училище, ведь ничто другое так не трогало ее сердце, как актерство. Книжки, фильмы и спектакли всегда находили живой отклик в ее душе, но мама к этой профессии настроена была враждебно:

– Распутство сплошное и пьянство. Нечего тебе там делать!

Спорить было бесполезно. Не хватило у Аси силы воли, чтобы рвануть в Москву, а может быть не настолько горячо было желание. Как знать...

Словом, Ася продолжила дальнейшее обучение в школе, и на каникулах отправилась со Светкой Прохоровой в трудовой лагерь. До места долго добирались в поезде, потом на автобусе. Трудовой лагерь располагался в деревне, среди бескрайних колхозных полей. Он представлял из себя два одноэтажных строения с многочисленными комнатами, в которых размещалось по десять человек. Туда заселяли приезжих от четырнадцати лет и старше, то есть трудились в лагере не только школьники, но и студенты. Удобства были на улице: умывальники, душевые и туалетные деревянные кабинки. Однажды мальчишки так раскачали сортир, что тот чуть не опрокинулся с девчонкой внутри. После этого женская общественность сплотилась и ходила по нужде только организованной группой.

Была и столовая в отдельной пристройке, только кормили в ней не ахти. Каждый день давали «трубы», так называли

тогда низкокачественные макароны соответствующего вида. Но повара были благодушные, и потом, не они же снабжали лагерь провизией. Что было, из того и готовили.

В первый же день Прохорова обгорела под палящем южным солнцем, и к вечеру ее спина покрылась волдырями. Ася знала только один рецепт от ожогов – сметана, вот и отправилась на кухню клянуть:

– Пожалуйста! Мне очень-очень нужно в лечебных целях.

– Сейчас, – тут же отозвалась добрая женщина и принесли из подсобки большую миску, наполненную до краев густой деревенской сметаной.

Ее, если честно, хватило бы не только на Светкину спину, но и еще на дюжину. Ася жирно намазала Прохорову, а остальную сметану девчонки слопали сами.

– Ох, – облизнулась Ася. – Хороша! Не то, что наша городская.

Через пару дней обгорела и она. Если точнее, то кожа побурела в вырезе блузки, но об этом Ася узнала лишь на речке, когда за ее спиной раздался радостный вопль:

– Бубновая дама!

Оказывается, на спине у нее проступил большой красный ромб, как карточная масть.

С утра ребята и девчата работали в поле, собирая огурцы, кабачки и помидоры, а по вечерам ходили на дискотеку. Уж что-что, а танцевать Ася любила. Надевала она спортивный костюм, который ей купила мама перед самым отъ-

ездом. Он был светло-огуречного цвета с белыми лампасами – как раз в тему. Костюм выбивался из общей массы неожиданном окрасом и удобным кроем, так что и Светка его тоже с удовольствием надевала.

По субботам ходили в баню, которая была в райцентре. Путь был неблизкий, зато ножки молодые: шлеп, шлеп, и на месте. Как-то после дождя дорогу развезло, и идти было совсем тяжело.

– Давай вернемся назад, – заняла Света.

– Вот еще, – отмахнулась Ася. – Половину уже прошли.

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!

Девчонки хорошенько вымылись, ведь путь по бездорожью наложил на них свой грязный отпечаток.

– Эх, – вздохнула Ася, выходя на улицу, – Неохота топать.

Разморило меня чего-то после жаркой баньки.

– Подвезти? – подмигнул веселый тракторист. – Полезайте в прицеп. Домчу с ветерком!

Уговаривать девчонок не пришлось. Они вскарабкались в кузов и уселись на мешки.

– Вот видишь, – хихикнула Ася.

– Ага, – улыбнулась Светка. – Повезло нам.

Девчонки визжали на ухабах и закрывали руками лица от грязи, которая комками летела в них из-под колес трактора.

По прибытию Ася засмеялась:

– Помылись, называется.

– В душ? – хихикнула Прохорова.

– Еще и шмотки стирать придется, – констатировала, отряхиваясь, Ася. – Не было печали...

У двух товарищей сразу во время смены случился день рождения.

– Какой же им сюрприз преподнести? – ломали вслух голову пионервожатая и воспитатель-физрук.

– Пирог именинный, например, – подсказала Ася и тут же была прикомандирована к кухне, чтобы воплотить замысел в жизнь.

– Вечно, тебе больше всех надо, – бухтела Светка, разбивая яйца в миску.

– Доброе дело, – кивнула полноватая повариха. – Не волнуйтесь, девочки, я вам помогу. Что хоть задумали?

– Шарлотку, – ответила Ася.

Именинникам, да и всем остальным ребятам, соскучившимся по домашней еде, пирог пришелся по вкусу. В тот вечер долго не расходились, даже до песен дело дошло. Но не все было так лучезарно, ведь жизнь, есть жизнь.

Однажды в лагере чуть не случилась побоище. Ася так и не разобралась, что там было к чему. Из разговоров выходило, что деревенские напоили городскую девчонку самогонкой, а может и еще чего сотворили. Она попала в больницу, и ребята за нее вступились.

Так вот, девчат заперли в корпусах и велели не высываться, потому что лагерь окружали деревенские, устрашающе гремя цепями. Ребята же разобрали забор на колья и

приготовились к отражению атаки. Светка с Асей, конечно, поглядывали в окно. Было страшно до жути! Взрослые пытались вести переговоры, но разгоряченная молодежь лезла в драку: там и тут вспыхивали стычки, которые удавалось погасить с большим трудом. Напряжение висело в воздухе, готовое вот-вот закончиться кровопролитием. Потом в толпе мелькнула милицейская форма, подросли и местные мужики. Словом, столкновение удалось предотвратить.

В конце смены Асе вручили семьдесят рублей, на которые она купила себе скромный фен. Маме в подарок она привезла помидоры, большая часть из которых в дороге подавилась и подгнила.

– Главное, что живая и здоровая вернулась, – весело сказала тогда родительница.

Трудовым воспитанием молодежи занимались в те времена вплотную, поэтому учебный год начинался у старшеклассников с колхоза. Директор школы, худощавый пенсионер в роговых очках, собирал по утрам учеников на стадионе, размахивая черным зонтом, точно шашкой. Подъезжали автобусы, школьники рассаживались в них и отправлялись в пригород. С колхозных полей убирали морковь и свеклу: дергали руками, отрывали ботву и складывали в мешки. Конечно, шло отставание от школьной программы, поэтому приходилось наверстывать. Но это было потом, а пока весело и задорно, с шутками и прибаутками, под песни «Ласкового мая» ребята ездили на сбор урожая.

Асю огорчила новость про Сережку Иванова, ведь он поступил в техникум. И как ни крути, а роднее его в новом классе не было никого, все-таки семь лет учились вместе. Зато Дроздов Колька остался, продолжая разными, но противными способами проявлять свое небезразличие. Ася спуску ему не давала, и как-то во время вечеринки в классе отомстила.

Она пригласила Колю на танец и стала наступать тому на ноги. Дроздову, конечно, было больно и неприятно, и он хотел было сбежать, да только Ася и не думала его выпускать из своих цепких объятий.

– Поженятся, видать, после школы, – сказала Ираида Альбертовна.

Но ее пророчеству не суждено было сбыться. В классе появилась новенькая, вернее старая знакомая Аси. Это была Римма, та самая из пионерского лагеря, что угнетала слабых. За время недолгой разлуки она почти не выросла, но заметно округлилась, а еще у нее не доставало переднего зуба.

– Какими судьбами? – поинтересовалась Ася.

– На учет в детскую комнату милиции поставили, – похвалилась Римма.

– За что?

– С девчонки одной значки сняли и поколотили немножко.

Ася не очень-то удивилась. В принципе, этого и следовало ожидать. В этой лихой девахе Дроздов сразу же увидел

родственную душу, и Ася вздохнула с облегчением, пожелав сладкой парочке счастья.

Из прежней жизни в друзьях у девчонки оставалась Алла Мушкина. У них было много общего: и школа, хоть и учились в параллельных классах, и пионерский лагерь, где не раз отдыхали вместе, и даже родители, которые работали в одном цехе. Они много лет дружили, по крайней мере так считала Ася. Внешностью Алла походила на певицу Мадонну, только вот губы были тонкие и не доставало выпуклостей, зато характер был легкий и веселый. Так, легко и весело, Алла увела у Аси поклонника, который привел ее в сугубо мужскую компанию. Там она стала звездой, а про женскую дружбу и думать забыла.

Десятый «Б» после пертурбации было не узнать: появились девчонки из параллельного класса, и пожаловали мальчишки из другой школы, которых переманил Николай Федорович. «Старичков» осталось с гулькин нос, и почти все они сидели в третьем ряду, включая отличницу и вундеркинда.

Лена Старикова была умной и образованной девочкой, поскольку корпела день и ночь за учебниками. Родители распланировали ее судьбу, поэтому заставляли заниматься до изнеможения. Бедняжке даже во двор выйти воздухом подышать не было времени, не говоря уже про прочие девчачьи радости.

Женя Сидоров же был вундеркиндом, поэтому ему давалось все легко и просто, кроме физкультуры. Он был мал

ростом, но велик умом, если можно так выразиться. Женя немного стеснялся своих природных дарований, а учителя совали его на все олимпиады. Надо сказать, что юный вундеркинд не подвел их ни разу. Как-то учительница математики вызвала Женю к доске и попросила доказать неизвестную теорему. Парень, конечно, не растерялся. Для посредственной школьницы Аси тот случай стал еще одним доказательством гениальности одноклассника.

Жизнь всем раздает подарки: кому ум, кому красоту, кому силу. У Аси же с тринадцати лет начали происходить в жизни какие-то необъяснимые вещи. Не то, чтобы начался период невезения, хотя можно сказать и так. Травматизм преследовал ее по пятам, начиная с раннего детства. Синяки и ушибы были привычным делом, ведь Ася «не тормозила на поворотах». Раз ее шарахнуло током, потому что она, деловая, самостоятельно полезла менять лампочку. Тряхануло будь здоров, и Ася спикировала в пустую чугунную ванну, больно ударившись плечом. Про резаные раны, полученные от острых предметов, и говорить нечего. Бинты и лейкопластырь в доме расходовались на полную катушку! В пять лет Ася напоролась на гвоздь, который торчал из беседки. Как назло, в тот день сломался лифт, и девочке пришлось подниматься на восьмой этаж пешком. От усилий края раны разошлись еще больше, и когда мама глянула, то испугалась, заревела в голос и зачем-то накинула на раненую ногу кухонное полотенце. Затем она схватила дочку на руки и помчалась вниз. Вы-

скочив на дорогу, мама остановила машину, затолкала туда Асю и повезла в травмпункт. Это было первого июня.

– С праздничком, с днем защиты детей! – засмеялся добрый доктор и ловко заштопал гнутой иглой ногу. Ася внимательно следила за процессом, а вот мамины нервы не выдержали, и она хлопнулась в обморок.

С острыми железками у девочки случались частые встречи – многочисленные шрамы тому свидетели. Так один, плохо забитый штырь, распорол ей свод стопы. Да и был он не на виду, а притаился, подлец, между ступеньками. Так что Асе, потеряв тапочек с ноги, нужно было еще «правильно» крутануться, чтобы зацепиться.

Раз девочка умудрилась прострочить на швейной машине палец. Когда мама это увидела, то побледнела и ахнула:

– Но как?

Она суетливо крутанула ручку, отчего игла вышла, а потом снова вонзилась. С боем, но палец все же удалось отво-евать, правда заживал он долго.

Как-то Ася поднесла зажженную спичку к газовой колонке, а та возьми, да «чихни». И все: ни бровей, ни ресниц у девочки. А раз кусочек зажженной серы от спички отлетел ей в нос, оставив красный след ожога.

Урон девочка наносила не только своему здоровью, но и окружающим предметам. За это мама прозвала ее вредителем, хотя у Аси выходило все неумышленно. Так на день

рождения она преподнесла родительнице неприятный подарок, хотя изначально порыв был и благородный. Ася решила провести генеральную уборку в квартире. Ну, и понеслось. Сначала она ненароком кокнула хрустальную вазу, немного погоревала и принялась драить окно. Ася с таким усердием натирала стекло газетой, что оно, бедное, не выдержало и вывалилось на улицу.

– Хорошо, что одно, – зажмурилась от громкого звона Ася.

Вечером мама не могла налюбоваться на чистоту.

– Надо же, – улыбалась она, разглядывая окно, – будто стекла нет.

И тут счастливая улыбка сползла с ее лица.

– Грохнула?

А когда на следующий день мама попросила принести вазу, чтобы поставить подаренные цветы, Ася совсем сникла:

– Я ее тоже... того...

– Разбила? – ахнула мама. – Вредитель!

Ася и в гостях у маминого брата отличилась. Она облокотилась об приставную раму, ну та и вывалилась наружу. При падении она еще несколько раз крутанулась, попутно разбив чужое окно.

– Горе луковое! – вспыхнула мама.

Дядя Коля же молча ушел к соседу, чтобы застеклить окно, а потом скрылся в сарае, где темноты возился со своей рамой.

Мама часто сердилась на дочь, потому по ее вине в доме все время что-нибудь ломалось. Благо она работала на заводе и что-то носила в ремонт туда. Часто мама приглашала «мужские руки» домой, ведь вывороченную розетку или телевизор, обильно политый вместе с цветами, нужно было ремонтировать на месте. Да, немало хлопот Ася доставляла своей маме. Одной посуды сколько перебила! Как-то у девочки так получалось, что чашки и тарелки при постановке на стол долгое время подпрыгивали. Некоторые приобретали такую большую центробежную силу, что «сходили с орбиты», падали на пол и разбивались. Мама сначала покупала взамен новую посуду, но потом махнула рукой и притащила пластмассовые, небьющиеся, тарелки и железные кружки.

Этих случайных нелепостей происходило много. Так, после ремонта в зале, Ася решила проверить как обстоят там дела и щелкнула выключателем. Яркая вспышка, хлопок, и пластмассовые «висюльки» люстры мгновенно оплавилась.

– Электрика придется вызывать и люстру новую покупать, – констатировала мама. – Кто тебя просил включать свет?

Как-то Ася легонько облокотилась на раковину в ванной. Раздался сухой треск, и во все стороны стали расходиться темные трещинки. Через минуту раковина развалилась, а от мамы Ася получила очередной нагоняй. Да разве же она специально это сделала? Просто-напросто попала в критическую точку – вот вам и результат. Как-то мама попроси-

ла дочь достать масло из холодильника. Ася потянулась, не вставая, схватилась за ручку, и она осталась в руке. Раз девочка, не глядя, схватилась за поручень в троллейбусе. Он ей сразу показался каким-то ненадежным, потому что шатался. Тогда Ася вцепилась крепче, обеими руками. Только это был и не поручень вовсе, а черенок лопаты, которую в вертикальном положении держал сидящий напротив гражданин.

– Ой, простите, – извинилась Ася.

– Ничего, – улыбнулся старичок. – Держись, коли тебе надо.

Или, скажем, случай в поезде. Ася с мамой ехали на боковых местах, и решили перекусить. Девочка вонзила зубы в большой сочный помидор, а он возьми, да и брызни на спящую рядом женщину. Когда она проснулась, то не совсем поняла происхождение томатного сока и зернышек на своем светлом костюме. Но это все цветочки!

В десятом классе Ираида Альбертовна повезла класс в музей Пушкина. По этому случаю Ася надела новые сапоги: красно-белые «дутики» на скользкой подошве. Конечно, она тут же натерла ими мозоли, поэтому хождение по многочисленным залам не доставляло радости. Увидев стул, Ася устремилась к нему. Она перешагнула золотистую ленточку, плюхнулась на мягкое сидение и в блаженстве закрыла глаза.

– Да знаешь ли ты, что на этом самом стуле сидел сам Александр Сергеевич Пушкин? – услышала она жалобный стон смотрительницы зала. – Встань немедленно!

– Извините, – промолвила Ася и резко вскочила. – Я не знала.

Одноклассники засмеялись, а Ираида Альбертовна поменялась в лице. Затем она глянула на часы и в испуге сказала:

– Опаздываем!

Класс влетел на всех парах в метро, выскочил на платформу и побежал к электричке, до отправления которой оставались считанные минуты. Ася буксовала сзади, то и дело поскальзываясь и широко взмахивая руками. Подойдя к поезду, она ухватилась за поручни и вдруг юркнула в пространство между вагоном и платформой. На поверхности осталась торчать лишь ее голова, из которой разом вылетели все мысли. Она крепко держалась за поручни, а ноги болтались где-то внизу. Выбраться самостоятельно Ася не могла, поэтому закрыла глаза, чтобы не было так страшно. И тут она почувствовала чьи-то сильные руки, которые выдернули ее из ловушки и перенесли в вагон. Двери тотчас закрылись, и поезд тронулся. Ася увидела в окно на платформе человека в военной форме – это был ее таинственный спаситель.

На теле девчонки после происшествия проступило множество ссадин и ушибов, а большая гематома на голени вскоре стала бугристой и болезненной. Пришлось Асе идти на прием к хирургу.

– Резать, если через несколько дней не наступит улучшение, – заявил врач и протянул направления на УВЧ и электрофорез.

Ася направилась в физиокабинет. Подслеповатая медсестра преклонных лет усадила девочку на стул, наложила электроды на нос и ушла. «Странно», – подумала Ася, – «при чем тут мой нос?» Пока она вспоминала физику и выдвигала разные гипотезы, сеанс закончился. Вечером она поделилась с мамой, но вместо ответа услышала вопрос:

– Ты совсем глупая?

На следующий день мама учинила медсестре скандал, а Асе стало так стыдно, что она больше туда не пошла.

Надежда оставалась только на электрофорез. Первые два сеанса прошли благополучно, и лечили Асе, как и положено, ногу. А вот в следующий раз медсестра крутанула ручку прибора и ушла пить чай. Сначала ногу легонько пощипывало, потом стало жечь, и появилась боль.

– Эй, – громко позвала Ася, но в ответ была тишина.

Вскоре боль стала нестерпимой, и девочка заплакала.

– Помогите! – всхлипывала она.

Наконец, появилась медсестра. Она сняла электроды и ахнула:

– Ожог! Что же ты молчала?

Ожог вышел приличный, судя по тому, что кожа почернела. Заживал он долго, зато от гематомы не осталось и следа.

Ася была неунывающей натурой и частенько напевала себе под нос вальс Штрауса:

– Парам-парам-парам-пампам!

Маленькие трагедии, что порой случались, перемешива-

лись с комедийными ситуациями, и это как-то уравновешивало пикообразную жизнь Аси. Да и какая может быть стабильность в период гормональной перестройки, выражаясь медицинским языком. Подростковый период сложный!

Ираиде Альбертовне, опытному педагогу с огромным стажем, Ася была интересна. Девочка часто ловила на себе ее изучающий взгляд.

– Ты мне напоминаешь цветок, – однажды поэтично выразилась филолог. – Но стоит приблизиться поближе, как прекрасные лепестки сворачиваются в бутон.

А однажды учительница выдала напрямую:

– Я всю жизнь комплексовала из-за своей полноты. А другие жили и радовались! Не повторяй моих ошибок.

Но кое-что мудрая женщина по своей самонадеянности все же не разглядела в Асе.

На выходные Ираида Альбертовна задало сочинение. Ася, конечно, взяла в библиотеке пособие, с которого можно было бы все скатать, но почему-то в тот раз ей делать этого не захотелось. Она стала думать и рассуждать, и записывать свои мысли на бумаге. Как-то само-собой вышло неплохое сочинение на заданную тему. Асе была интересна оценка педагога, но она оказалась не совсем такой, как ожидалось. Три с огромным, в пол страницы, минусом! Девочка набралась смелости и спросила:

– Вам не понравилось?

– Ты еще спрашиваешь! – рассердилась Ираида Альбер-

товна. – Хоть бы потрудилась упростить слова, когда перекачивала с книжки.

– Так я сама, – возразила Ася.

– Не рассказывай мне сказки. Не может четырнадцатилетняя девочка так выражать свои мысли!

А насчет полноты Ираида Альбертовна попала в точку. Ася комплексовала, но в тоже время и боролась с лишним весом. Как-то она подбила Светку Прохорову записаться на ритмическую гимнастику. Занятия проходили весело, под музыку. Ася раз так вошла в раж, что после занятия зачем-то высоко подпрыгнула, сделав в воздухе широкий взмах ногой. Только вот приземление вышло неудачным, и Ася громко застонала, ухватившись за голень.

– Наступить сможешь? – спросила Света.

Девчонка встала, легонько приступила на ногу и вновь скривилась от боли:

– Нет.

– Тогда скачи в раздевалку на одной ноге, – посоветовала подружка. – Обопрись на меня.

Ася переоделась, но распухшую ногу не смогла сунуть в сапог.

– Давай я за матерью твоей сбегаяю, – вызвалась Светка.

Это сейчас все просто: достал мобильник из кармана и сделал звонок. А тогда нужно было сначала отыскать телефонную будку и две копейки. Да и у абонента должен был находиться дома стационарный телефон, что в те времена

было недоступной роскошью.

Запыхавшаяся мама вскоре влетела в раздевалку, глянула на ногу и сказала:

– Поехали в травмпункт.

– А я идти не могу.

– Ничего, до остановки недалеко. Доскачешь.

В травмпункте Асе сделали рентген, после чего отправили на прием к врачу.

– Судя по всему, – предположил травматолог, рассматривая снимок, – перелома нет. Растяжение, должно быть. Хотя, больше похоже на разрыв связки. Возвышенное положение и холод – вот вам мой совет.

Медсестра наложила тугую повязку, и Ася поскакала в обнимку с мамой домой.

В тот вечер шел по телевизору фильм «Берегись автомобиля». Главный герой угодил в капкан, и Асина нога, что покоилась на двух подушках в окружении бутылок с холодной водой, вдруг отозвалась волной боли.

– Сочувствую, – обратилась она к актеру, что хромал в телевизоре.

На три недели Ася с травмой ноги выпала из привычной жизни, так что потом пришлось наверстывать.

К десятому классу, наконец, у Аси окончательно сложился круг общения. Во-первых, Огурцова. Общались они, в основном, теперь в школе, поскольку Машка с головой ударилась в любовь. Конечно же, Прохорова. Но подружка тоже за-

вела возлюбленного, чуть постарше себя. Ромео в итоге оказался подлецом и разбил юной Джульетте трепетное сердце. Наконец, Таня Вилкина. Романов она не крутила, и вообще была серьезной и уравновешенной девушкой. Таня разительно отличалась характером от Аси, но ведь противоположности, как известно, притягиваются. Вилкина была вся какая-то правильная: аккуратная, педантичная, собранная, пунктуальная – как немка. Таня больше слушала, нежели говорила. Не осуждала, советов не давала и умела язык держать за зубами. Ценное качество, не правда ли? У Тани был старший брат-меломан, и Ася тогда, впервые, услышала музыку Жан-Мишель Жарра. О, это было что-то нереальное и космическое! Ася всегда была не равнодушна к фантастике, поэтому с упоением читала книги Рэя Брэдбери, которые брала у Тани с книжной полки. Однажды она и сама увидела НЛО.

Дело было в поселке. Ася с девочками поздним вечером шла по центральной улице, как вдруг одна из них воскликнула:

– Смотрите! Тарелка летит по небу!

Ася задрала голову и, в самом деле, увидела неопознанный летающий объект. Он был серебристым и плоским. Летел он совершенно бесшумно, оставляя позади себя широкий белый шлейф на темном звездном небе. Вскоре он исчез из вида, но на горизонте появился двоюродный брат Аси со своим другом.

– Видали? – спросил Дима.

– Объект висел низко над землей и мигал разноцветными огнями, – сообщил Вася. – А потом резко поднялся и поплыл по небу.

Про свою встречу с неопознанным объектом рассказала ей и сестра из соседней деревни. Дружной компанией они как-то сидели на берегу реки и вдруг заметили в небе красный шар.

– Эй! – крикнул один смельчак. – Братья по разуму! Шуруйте к нам знакомиться!

Не успел парень договорить, как шар начал быстро опускаться вниз. Только его скорость была намного меньше той, что развили от страха подростки, разбегаясь по домам.

Да, это все было как-то странно и непонятно. Но Асю больше волновали не космические корабли, бороздящие просторы мироздания, а собственное будущее. О какой только профессии она не мечтала в детстве: и поваром хотела стать, и следователем, и хирургом. Елена же Васильевна, учитель французского языка в новой школе, склоняла ее к тому, чтобы поступить в педагогический институт на факультет иностранных языков. Она и на олимпиады ее отправляла, и обещала содействие в подготовке к вступительным экзаменам.

– Отличное произношение, – убеждала она, – и память хорошая. У тебя есть все шансы!

Но Асе не очень-то мечталось стать учителем. Нет, про-

фессия, конечно, благородная, но не для нее. Тем более у нее какой-никакой, но был уже опыт общения с детьми.

На летних каникулах, после десятого класса, тетя Лиза устроила Асю работать в детский сад. А что? Трудоустроиться в поселке было просто, тем более по знакомству. Заведующая так расположилась к Асе, что взяла ее на ставку воспитателя, а в помощники дала двух девочек, тринадцати и четырнадцати лет. Вот такая подобралась команда! Детей в группе оказалось двадцать с лишним душ. Они все время галдели, так что после смены у Аси болела голова, а от долгожданной тишины закладывало уши. Что может быть интересного в этой профессии? Утром надо каждого ребенка встретить, заглянуть в горло, измерить температуру. Потом завтрак и рассаживание детворы на горшки, с последующим вытираем попок.

Лето было в тот год жаркое, и у новоиспеченного воспитателя родилась новаторская идея. А почему бы не провести закаливание детишек? Ася отправила нянечек на площадку, чтобы те подготовили территорию для прогулки босиком. Потом она вывела малышню на прогулку, а девочкам велела греть воду и готовить тазы для мытья ног. Детишкам такая забава понравилась, ведь веселая «воспиталка» брызгала их теплой водичкой, а они визжали и смеялись от счастья.

Откуда было знать неопытным нянькам, что дети такие непослушные. Девчонки хватали их, но те вырывались и убежали. Вот и вышло, что кому-то ноги помыли дважды, ко-

му-то ни разу, а некоторые чистыми пятками шлепали по грязному полу. Провозились девчонки до самого «тихого часа», совершенно выбившись из сил. Детей разложили по кроватям, и Ася пристроилась на свободной коечке. Она и не заметила, как уснула.

– Что за новости? – услышала Ася возмущенный шепот заведующей.

– Я случайно, – смутилась девчонка.

– Почему у детей постельное белье такое грязное? После тихого часа собрать и сдать в стирку!

Но на этом история с закаливанием не закончилась. После прогулки детишкам пришлось сменить трусишки и вывесить мокрое бельишко сушиться. Ну, и родители перепутали где-чье. Шустрые выбрали себе лучшее и даже прихватили лишнее, а недовольные пошли жаловаться.

Больше подобных экспериментов Ася не проводила. Лишь однажды, во время прогулки, решила позагорать сама. Девчонка улеглась на травку, оголив плечи и ноги. Подставив лицо под теплые солнечные лучи, Ася зажмурилась от удовольствия, но любопытные дети стали тыкать в нее пальчиками: кто глаза пытался открыть, кто в носу поковырять, кто в уши залезть, а одна настырная девочка принялась дергать за волосы.

– Да что же это такое, – возмутилась Ася, когда на ее лицо упала чья-то тень.

– Вот именно! – раздался угрожающий окрик заведую-

щей. – Здесь тебе не пляж!

В палисаднике росли чудесные цветы, и Ася решила украсить ими группу. Она надергала букетики и расставила на столах и подоконниках, даже в спальню отнесла. Заведующая зашла, молчком оглядела цветочное буйство и ушла, не сказав ни слова, но по недовольному выражению ее лица и так можно было все прочесть. А следом прилетел шершень. О, если вы не знаете, то это очень опасное насекомое! Шершень похож на пчелу, только крупнее, и жало у него не одно, а девять. Услышав грозное жужжание, Ася с визгом бросилась за подмогой.

– Что случилось? – спросила заведующая, которая не успела далеко уйти.

– Шершень! Помогите!

– Ты оставила детей в опасности?

Заведующая пулей влетела в группу, схватила полотенце, свернула потуже и прихлопнула шершня. Такая вот бесстрашной женщиной она оказалась.

У детей был полдник, а у воспитательницы с нянечками – чаепитие. Ася что-то рассказывала и разминала между пальцами мякоть черного хлеба. Когда она закинула его в рот, мальчик из группы дернул воспитательницу за подол халата.

– Тебе чего? – спросила Ася.

– Дай! – требовательно сказал малыш.

Девочка протянула ему кусок хлеба, но малыш помотал головой:

– Неть! Колобок!

Ася сообразила и скатала ребенку хлебный мякиш, только за ним выстроилась целая очередь желающих.

– И мне колобок, – заплакала девочка.

Ее рев подхватила и другая, потом третья.

– Девчата, – скомандовала Ася нянечкам, – за работу. Лепим колобков!

Малыши подходили и широко, как птенчики, раскрывали свои ротки. Это было очень забавно.

Раз нельзя было детей закаливать, да и вообще воплощать в жизнь какие-то идеи, то Ася перенаправила энергию в мирное русло. Она стала придумывать игры, в которые же и сама играла с большим азартом. Родители поначалу умилялись, а потом стали сердиться, потому что их отпрыски не желали уходить домой.

Но под финал Ася все же выкинула фортель. Она подговорила нянечек ободрать клумбу в палисаднике. Странная, конечно, была идея, схожая с хулиганством, но девчонки подхватили ее с энтузиазмом. Как только разобрали детей, команда выдвинулась «на дело». Девчонки опустились на четвереньки и поползли вдоль стены, чтобы их не заметила сторожиха. Добравшись до клумбы, они начали драть цветы с жадной беспощадностью, выдергивая в спешке некоторые с корнями. Бдительная старушка, что охраняла детский сад, заметила подозрительное шевеление в кустах и услышала хихиканье. Она сердито дунула в свисток, а потом громко за-

голосила:

– Держи хулиганов!

Девчата быстро-быстро начали отползать, туго прижав букеты подбородками к груди.

– Хватай их! – кричала сторожиха и дула в свисток.

Она была уже старенькой и подслеповатой, поэтому ни опознать воришек, ни догнать не смогла.

Так что Ася и сама не знала, кем ей хочется стать. Думала про мединститут, но боялась провалить экзамен. К тому же насмотрелась на переживания соседки, которую отчислили за неуспеваемость к концу первого курса. И потом, какие же надо крепкие иметь нервы и бесстрашие, чтобы спасти людей.

Однажды Асю отправили от школы в лагерь комсомольского актива. Лично ей эта идея не понравилась, но спорить с Ираидой Альбертовной девчонка не стала. Учительница почему-то узрела в ученице задатки комсомольского лидера и прочила ей блестящее будущее по этой линии. Только ничего подобного Ася не желала вовсе.

В лагере было скучно, пока не приехали американские школьники. Они лопотали по-иностранному, жевали жвачку, не убирали за собой посуду в столовой, а в остальном – были самыми обычными подростками. Правда не умели танцевать ламбаду, а ведь тогда это был самый популярный танец, и все лихо вертели бедрами.

Выбор профессии оставался за Асей, а пока жизнь шла

своим чередом. В школе учиться стало сложно, ведь грызть гранит науки – занятие не из легких. Тем более, что появилась новая учительница физики, которая взялась за учеников по полной программе. Алисе Ивановне пришлось устранять огрехи своей предшественницы. Та была хоть и милашка, и по многочисленным просьбам школьников травила анекдоты на уроках, но учебный процесс запустила дальше некуда. Так что у нового педагога не было иного пути, как начать заново, то есть с самых азов, вооружившись учебниками предыдущих классов. Она еще притащила в школу какую-то чудо-технику и показывала учащимся конспекты собственного сочинения. Над ними Алиса Ивановна корпела сама, ужимая пройденный материал и выделяя самое главное, чтобы хоть что-то задержалось в головах учеников. «Училка» мучила опросами, самостоятельными и контрольными, а на дом задавала столько, что уму обычного школьника было это непостижимо. А потом вдруг взяла и ушла в декрет, хоть и была незамужней. Все вздохнули с облегчением, но продлилась «лафа» совсем недолго. Совсем скоро Алиса Ивановна вернулась к работе, но стала помягче, да и энтузиазм у нее заметно поубавился. Но все же она собирала класс поздними вечерами на урок астрономии, чтобы посмотреть в телескоп на Луну и звезды, а еще в Москву возила на познавательные экскурсии.

У Ираиды Альбертовны тоже произошел прорыв в педагогике, ведь в период перестройки в стране появилась глас-

ность. До этого существовала жесткая цензура в литературе, и многих авторов не печатали, в том числе и эмигрантов, потому что их считали врагами и предателями отечества. После снятия запрета интеллигенция с огромным интересом читала и обсуждала интервью академика Сахарова в «Литературной газете». Вышли в свет книги Бунина, Замятина, Булгакова, Пастернака. Вспомнили в обществе и поэтов Серебряного века. Ираида Альбертовна цитировала Иосифа Бродского, Николая Гумилева, Анну Ахматову и Осипа Мандельштама. Но ее любимчиком был Маяковский, которым она «бомбила» своих учеников без всякого сожаления. Вдохновил учительницу и «Архипелаг Гулаг» Солженицына. Она зачитывала отрывки на уроках и настойчиво рекомендовала материал к самостоятельному изучению.

Галина Васильевна, скромная учительница алгебры и геометрии, и та взялась за учеников с удвоенной силой. Она даже привлекла свою пожилую тетку, которая теперь вела факультатив. Раиса Захаровна была полной противоположностью своей племянницы. Если Галина Васильевна была мягкой, обидчивой и неуверенной в себе женщиной, то опытная «педагогиня» была напористой и несгибаемой, несмотря на свой возраст. Раиса Захаровна закрашивала седину хной, носила черный сарафан с цветными блузками и все время чистила нос носовым платком. Расстроить ее чем либо было невозможно, а вот Галина Васильевна, напротив, легко выходила из себя и жаловалась руководству. Огорчалась она

даже из-за спрятанной тряпки и мокрого мела, а ведь это были обычные школьные забавы.

Учеба учебой, но развлечения никто не отменял: «А ну-ка, девочки» и «А ну-ка, мальчики», КВН, творческие вечера, смотр строя и песни и прочие мероприятия, которые всегда заканчивались школьной дискотеккой. В виде эксперимента устраивали даже в школе дни самоуправления. Старшеклассники тогда брали власть в свои руки и проводили вместо учителей уроки. Естественно, Ася «преподавала» французский. Иногда сбегали с уроков, причем всем третьим рядом, прихватив с собой отличницу и вундеркинда. Шли в кино или отсиживались у Аси, ведь ее дом находился возле школы. Ребята слушали пластинки и мило беседовали во время чаепития, а вечером гостеприимной хозяйке влетало от мамы:

– Сахар же по талоном!

Это было правдой. В восемьдесят девятом ввели в стране талонную систему. Даже шутка появилась: «Если моешь руки с мылом, то чай пьешь без сахара».

Продуктовый запас на месяц был минимальным, да и с отовариванием талонов были сложности. Люди стояли в огромных очередях часами, а всучить им могли червивые макароны. Почему-то исчез из продажи стиральный порошок, и граждане стругали хозяйственное мыло на терке, которое тоже было по талонам.

Начались у мамы и проблемы с работой. Крупнейший

оборонный завод стал получать мало заказов, и зарплату рабочим теперь выдавали китайскими шмотками. Это называлось бартер. Унизительным было еще и то, что все это низкокачественное тряпье разыгрывалось в лотерею. Кому-то доставались теплые куртки, а кому-то, извините, комнатные тапочки. Тогда-то у Аси в гардеробе и появились странные вещи. Взять, к примеру, кожаную куртку. Она была мужской, рыжей и на два размера больше. Зимний пуховик, удручающего, темно-зеленого цвета, из которого всюду лезли перья, смотрелся не лучше. А бордовые лодочки? Их и туфельками-то можно было назвать с большой натяжкой, потому что они больше напоминали деревянные колодки, и на пятках от них были хронические мозоли.

Асе, конечно, мечтала одеваться красиво, но такой возможности, увы, не было. А еще ей очень хотелось мяса, только приходилось питаться жареной картошкой с солеными огурцами. Девочка стала сушить сухари из черного хлеба, как в пионерском лагере, и таскать в школу. Машка Огурцова хрумкала их с удовольствием, хотя ее семью особо не затронули происходящие события. А вот мама Наташи Зайцевой, что работала на заводе инженером, стала торговать селедкой на рынке. Но несмотря на все эти перипетии Асе все равно жилось радостно, потому что верилось в лучшее.

Вот и прозвенел последний звонок. Ася с Огурцовой обнялись и всплакнули, а потом начали готовиться к выпускным экзаменам. К счастью, никто из класса их не завалил,

поэтому все находились в приподнятом настроении в преддверии выпускного бала.

Ася долго выбирала себе платье на рынке. Ей приглянулось с пышным искусственным цветком на плече. Платье было необычного кроя и красно-фиолетового цвета. К нему мама прикупила еще красивый кожаный ремень и туфли на каблуках. Словом, наряд вышел неплохой.

Перед выходом из дома Ася обрызгалась духами, и на платье проступили пятна, которые пришлось застирывать. Затем выпускникам вручили аттестаты и усадили за праздничный стол, где чей-то отец облил Асю шампанским. Снова платье пришлось приводить в порядок, застирывая в туалете. Но не успела она вернуться за стол, как ей на колени шмякнулась отбивная. Чья-то мамочка суетилась, расставляя тарелки с горячим, вот рука у нее и дрогнула. Асе снова пришлось покинуть торжество, чтобы в очередной раз постирать свой наряд. Потом выключили свет, и начались танцы. После них выпускники ринулись встречать рассвет. Рассвет новой, взрослой, жизни.

<https://www.canva.com/design/DAEDi07MaQE/kCsGLDPElY7aL3IrCPaHXg/edit?category=tACZChfZug8>